

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ю.Н. ЭБЗЕЕВА, Е.Г. ДМИТРИЕВА

**ФРАНКОФОНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ШВЕЙЦАРСКОЙ И БЕЛЬГИЙСКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ**

**Москва
2011**

УДК 811.133.1
ББК 81.2Фр
Э 13

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

*Монография разработана и издана в рамках гранта РГНФ
№ 11-34-00315 «Франкофония сквозь призму швейцарской
ментальности»*

Рецензенты:

заведующая кафедрой лексики и фонетики французского языка МПГУ
доктор филологических наук, профессор Г.Г. Соколова;
заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета
РУДН академик МАН ВШ, доктор филологических наук,
профессор Н.Ф. Михеева

Эбзеева Ю.Н., Дмитриева Е.Г.

Э13 Франкофония сквозь призму швейцарской и бельгийской
ментальности: Монография. – М.: РУДН, 2011. – 118 с.

ISBN 978-5-209-04168-9

В монографии представлено исследование тенденций современного франкоговорящего мира сквозь призму бельгийской и швейцарской культуры и литературы. Проводится дифференциация и систематизация франко-швейцарской и франко-бельгийской лексики путем выявления и уточнения интра- и экстраглавиистических факторов, которые влияют на процесс формирования национального варианта языка на примере лексических единиц, наиболее часто употребляемых в официальных документах, периодической печати и художественной литературе. Исследуется история и структура франкофонии; национально-культурная специфика речевого поведения франкоговорящих бельгийцев и швейцарцев.

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов и языковых вузов.

© Эбзеева Ю.Н., Дмитриева Е.Г., 2011

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.	Франкофония: исторический опыт, проблемы, тенденции развития.....	4
2.	Французский язык в свете общих и конкретно-исторических условий языкового варьирования.13	
3.	Франкофония сквозь призму бельгийской ментальности26	
3.1	Процесс формирования бельгийской государственности.....	26
3.2	Национально-психологические особенности франкоязычных этносов и понятие этнической идентичности.....	31
3.3	Механизмы межкультурной коммуникации в свете специфических черт бельгийского общения.....	36
3.4	Партикуляризмы в бельгийском варианте французского языка.....	44
4.	Франкофония сквозь призму швейцарской ментальности.....56	
4.1	Особенности сосуществования контаминированных ареалов Швейцарии.....	56
4.2	Интенсивность лингвистических интерференций в швейцарском языковом союзе и их направления.....	63
4.3	Лингвокультурологическая экспансия в Швейцарии: франкороманский вектор.....	74
	Список использованной литературы.....	107

1. ФРАНКОФОНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В начале 21 века французский язык остается одним из важнейших мировых языков, представленный на многочисленных территориях одновременно как единый коммуникативный инструмент и как система специфических вариантов, характеризующихся тем или иным социолингвистическим статусом, культурной ролью в жизни общества, тем или иным структурным, нормативным и речевым своеобразием. Большое количество частных информаций о вариантах французского языка позволяют нам поставить теоретические вопросы, связанные с функционированием французского языка и проблемами франкофонии, выдвинуть методологические принципы изучения национальных вариантов, систематизировать уже добытые данные об особенностях французского языка в Бельгии и Швейцарии и систематически их изложить.

Франкофония складывается на протяжении многих веков, включая ценности всех стран и народов, исторически связанных с развитием французского государства. Начиная с XII в., эпохи крестовых походов, начинается распространение французского языка не только на территории Европы, но и на Востоке. В эпоху Возрождения французский язык выполняет просветительскую роль в Европе того времени. Во времена Великих географических открытий Франция проявляет растущий интерес к колониальным приобретениям, например, экспедиция Жака Картье завершилась присоединением к Франции новых земель в Северной Америке (колония «Новая Франция», или Канада). Начиная с XVII в., французский язык – язык роскоши и престижа. Франция становится полиэтническим государством, и именно в XVII в. уделяется особое внимание проблемам нормализации французского языка. В XVIII-XIX

вв. французский язык становится дипломатическим языком Европы – единственным в международной документации. Уже в XVII – XVIII вв. начала проявляться целенаправленность языковой политики. В 1794 г. был принят закон, согласно которому на всей территории страны во всех официальных сферах мог употребляться только литературный французский язык, а миноритарные языки и диалекты не пользовались никакими правами. И лишь в 1951 году начинается либерализация языкового законодательства.

На сегодняшний день французский язык является одним из 12 наиболее распространенных языков в мире. Он является родным для более 100 млн. человек, а 120 млн. человек используют его в повседневной жизни. Лингвистическое франкофонное сообщество насчитывает около 3 % населения мира. Французский язык является рабочим языком практически всех международных организаций, является одним из шести официальных языков ООН, рабочий язык ЮНЕСКО, Совета Европы, основной язык Африканского Союза. Его используют в разных странах Европы, Америки, Африки, Азии, на островах Океании, на этих территориях он имеет неодинаковый статус и ряд различий, объясняющихся историческими условиями распространения, политическими и экономическими коллизиями, автономным развитием регионов. Он является общенациональным и единственным государственным языком Франции (и ее заморских департаментов и территорий), Монако и Республики Гаити. Он имеет статус одного из государственных языков в Бельгии, Швейцарии, Люксембурге и Канаде, а также в некоторых государствах Африки и Америки. Не будучи общенациональным языком, французский является государственным языком в ряде африканских государств. Во многих странах он преподается как иностранный.

Понятие «франкофонии» является объемным и не однозначным, его определения развиваются и изменяются в

зависимости от эпохи, политического контекста и географического пространства.

Термины «франкофония» и «франкофон» появились в 1880 г. в книге французского географа О. Реклю «Франция, Алжир и колонии» (*«France, Algérie et colonies»*): «Nous acceptons comme francophones tous ceux qui sont ou semblent destinés à rester ou à devenir participants de notre langue». О. Реклю классифицировал жителей Земли по языковому принципу, в частности, термин «франкофония» использовался, чтобы выделить территории, население которых говорит на французском языке. Он употребляет слово «франкофония» терминологически, рассматривая ее как «символ и результат человеческой солидарности...» (Xavier, 10).

Активно этот термин начал употребляться с шестидесятых годов двадцатого века, с признанием независимости французских колоний. В это время идея франкофонии обретает второе дыхание, слово, в зависимости от значения, в котором оно употребляется, пишется как с маленькой, так и заглавной буквы. При написании слова «франкофония» с маленькой буквы речь идет о неформальном объединении людей, в разной степени владеющих французским языком. Если же слово «Франкофония» написано с большой буквы, оно обозначает официальную межправительственную структуру - Международную организацию франкофонии (МОФ) (*Organisation internationale francophone*), организационная структура которой была заложена в 1962 году и была поддержана лидерами нескольких франкоязычных стран. Основное отличие этой организации от всех прочих - язык является базой как политico-экономического, так и культурного сближения ее членов.

Инициаторами создания институционализированной франкофонии выступают: президент Сенегала Л. С. Сенгор, президент Туниса Х. Бургиба, президент Нигерии Х. Диори.

Л. С. Сенгор отмечал, что основа для сближения – это ценность французского языка и культуры. Ш. де Голль, являясь убежденным сторонником франкофонного сообщества, целенаправленно уступает инициативу создания Франкофонии африканским странам. Идея Франкофонии полностью соответствует интересам Франции: с ростом влияния английского языка, лингвистическая ситуация внутри Франции и за ее пределами постоянно ухудшается. Ознакомившись с результатами исследований Французской Академии, Ш. де Голль дал свое согласие на создание Высшего комитета по защите и расширению влияния французского языка на международных форумах (впоследствии эта комиссия стала называться Высшим Советом по французскому языку). Франкофония возникла как противовес процессу глобализации, влекущему за собой потерю национальной идентичности. Одной из составляющих глобализации является ликвидация языковых барьеров, а это, в свою очередь, предполагает наличие международного языка. В настоящее время в этом качестве выступает английский язык. Международная организация франкофонии, понимая, что доминирующее положение одного языка влечет за собой доминирование одной культуры, стремится уравновесить подобный дисбаланс сообществом стран, объединенных французским языком.

Изначально интересы МОФ концентрировались на вопросах образования и воспитания (в том числе лингвистического), по мере возрастания числа стран-участников и укрепления позиций на первый план стали выходить политические и экономические проблемы. На момент создания, основной задачей Франкофонии было – развитие и поддержка научных и культурных интересов всех тех, кто говорит на французском языке. Политизация организации выявляется постепенно, по мере разрастания инфраструктуры внутри организации. В 1970 г. была создана первая межправительственная организация франкофонии –

Агентство культурного и технического сотрудничества (АССТ) (с 1996 г. – Агентство франкофонии). День принятия хартии АССТ, 20 марта, с тех пор отмечается как Международный день франкофонии. Новый период в истории франкофонии начинается с приходом к власти Ф. Миттерана, решившего придать движению более широкое политическое распространение. В 1984 г. создается новая структура – Высший Совет по делам франкофонии, возглавляемый президентом Франции, он назначает членов Совета и генерального секретаря. С этого же года начинает вещание международный франкоязычный канал TV 5. Главной же инстанцией международной организации франкофонии является Саммит франкофонии. При ООН работает Постоянная наблюдательная миссия Международной организации франкофонии.

В настоящее время Международная организация франкофонии – это международный институт, основанный на употреблении одного языка и приверженности единым ценностям. Организация объединяет 53 государства-члена и правительства-участника, 2 ассоциированные страны и 13 стран-наблюдателей.

После создания Франкофонии изменилось представление о том, что такое французский язык. До этого это был язык, который принадлежал французам. Существовала единая норма французского языка, устанавливаемая словарями и грамматиками, которые, как правило, публиковались в Париже. Ведь политическая централизация во Франции, со времен Французской революции, сопровождалась такой же строгой лингвистической централизацией. В каждом из франкоязычных ареалов французский язык представлен как отдельная разновидность. Понятие «французский язык» перестало связываться исключительно с парижским вариантом и вобрало в себя множество узусов этого языка. Во Франкофонии выработана стратегия языковой

вариантности, которая строится вокруг признания существования центрального языкового ядра, состоящего из полностью или частично франкоязычных стран. Другие члены Франкофонии (помимо Франции) считают, что французский язык в такой же мере является их достоянием, и что они могут располагать им по своему усмотрению. Ведь после Страсбургских клятв 842 года первым значительным текстом на французском языке стала Кантилена о Святой Евлалии, обнаруженная в городке Сент-Аманд в Бельгии.

В течение долгого времени грамматики и словари французского языка ориентировались на узус узкой социальной прослойки, при этом региональные особенности внутри самой Франции, а также зарубежные варианты (национальные и территориальные) абсолютно игнорировались. Ситуация начала меняться после 1972 года, в результате публикации словаря издательства «Bordas» (в 1977 г. за ним последовал «Le Petit Robert», а с 1989 – «Le Petit Larousse illustré»), в которые были включены бельгийские, швейцарские и канадские элементы. Словарь «*Dictionnaire universel francophone*», изданный в 1997 году, включает уже довольно солидный корпус статей лексических единиц ряда франкоязычных стран, например, на Бельгию в нем приходится более 700 статей. «*Trésor informatisé des vocabulaires francophones*», проект, начатый в 1987 году, объединяет лексические ресурсы Бельгии, Канады, Швейцарии, Марокко, Бурунди, Реюньона, Алжира, Камеруна. Примечательно, что в двух последних словарях прилагательное «*français*» заменено на «*francophone*». В 1980 годах директор Национального института французского языка Б. Кемада создал группу университетских лингвистов, которые в рамках программы «*Etude du français en francophonie*» разработали то, что впоследствии получило название Панфранкофонной базы лексикографических данных – *Base de données lexicographiques panfrancophone*, служащей основой для создания Панфранкофонного словаря.

Идея о необходимости создания такого словаря была высказана в 2002-2003 годах Генеральным секретарем МОФ Абду Диуфом, который настаивал на необходимости иметь точные описания разных национально-территориальных вариантов французского языка (Марусенко, 111). Размещен электронный словарь на сайте Университета Лаваль в Квебеке.

В структуре Франкофонии имеются специальные институты, которые занимаются выработкой норм и контролем над их соблюдением.

Прежде всего – это Французская академия, которая, являясь органом достаточно консервативным, часто является препятствием на пути проведения эффективной языковой политики. Однако в девятое издание академического словаря, начавшееся издаваться с 1992 года, также включается некоторое количество слов и значений, использующихся за пределами Франции. Еще одной организацией, занимающейся проведением исследований в различных областях французского языка, является Национальный институт французского языка (*Institut National de la Langue Française*).

В Квебеке вопросами языковой политики и проблемами нормированности варианта французского языка занимается Управление по французскому языку (*Office de la langue française*).

В Бельгии подобные функции возложены на Королевскую академию французского языка и литературы.

В Швейцарии вопросами функционирования полинационального французского языка занимаются лингвисты Центра по изучению французского регионального языка при Невшательском университете – А. Тибо (A.Tibault), П. Кнехт (P.Knecht), Ф. Вуайя (F.Voillat) и другие.

Надежным оплотом сохранения французской нормы являются учебные заведения. Однако, если до недавнего

времени учебники практически во всех франкоязычных странах и регионах (исключение составляет лишь Квебек: Канада проводит свою собственную линию внутри МОФ, защищая свое право на инакомыслие и свободу самовыражения) соответствовали парижской норме, в последние десятилетия ситуация достаточно изменилась. Во время стажировки в Лувенском католическом университете мне удалось поприсутствовать на занятиях в средних классах бельгийской франкоязычной школы, ознакомиться с методиками, по которым ведутся занятия, получить консультации ведущих специалистов, что позволяет нам прийти к некоторым заключениям: работа в школе осуществляется преимущественно по бельгийским методикам, которые отражают не только местные реалии и особенности бельгийской самоидентификации, они содержат партикуляризмы на уровне фонетики (орфографии), лексики, морфологии. Ученикам предлагаются упражнения страноведческого характера, лексические, грамматические задания, упражнения на аудирование, знакомящие с франкоязычными узусами. Например, в Бельгии слова «crolle» (boucle) или «bawette» (lucarne) находятся в списке нерекомендуемых, а «nonante» (quatre-vingts dix) или «chicon» (endive) - нет.

В различных национальных франкоязычных сообществах, живущих за пределами Франции, считается, что большинство носителей французского языка полагают, что «правильный» французский может существовать только во Франции. При этом, когда франкофоны – не-жители Франции начинают подражать французскому узусу, эта нормированная разновидность языка начинает вызывать негативное отношение у окружающих. В Бельгии это называется «fransquilloner», в Швейцарии – «raffiner», в Квебеке – «parler pointu» (все эти термины имеют отрицательную коннотацию). Таким образом, человек не может применять обе языковые модели, потому что они

противоречат друг другу. В социолингвистике применяется понятие «языковая опасность» (*insécurité linguistique*).

Бельгийские исследователи провели эксперимент с записями спонтанной речи 60 дикторов - франкофонов (24 – жители парижского региона, 36 бельгийцев). В каждой группе находились представители различных социокультурных сред. Из каждой из 60 записей был вырезан фрагмент приблизительно в 40 слогов без какой-либо географической или лексической региональной привязки. Хотя фрагменты очень короткие, они достаточны для установления национальности говорящего («акцент»). Эти записи в случайном порядке были представлены 80 бельгийцам, которых попросили ответить на вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваш сын или дочь говорили так?» Результаты эксперимента показывают, что в первую очередь слушатели учитывали социальный критерий, а не географический, а в пределах одной социальной группы они отдавали предпочтение бельгийским дикторам. Таким образом, члены бельгийского языкового сообщества именно с этим узусом связывают свою собственную идентификацию. Жители «французской» Бельгии осознают существование двух норм – стандартной французской и стандартной бельгийской, которая позволяет сохранить бельгийскую идентичность. Эта вторая норма имеет особое социально-географическое измерение (Марусенко, 98). Таким образом, за пределами Франции стараются соблюдать основные требования нормы, этим человек с высоким уровнем образования будет отличаться от людей с низким уровнем, но включают в свой язык различные элементы (в основном, фонетические и лексические), которые характеризуют их принадлежность к определенной группе. Так появляются новые языковые нормы, называемые эндогенными (Марусенко, 100). Подобная ситуация не может не оказывать влияния на языковую политику, которая должна быть направлена на уменьшение языковой опасности в

периферийной зоне франкоязычия, ведь из-за своего большого распространения французский язык получил множество вариантов в зависимости от территории распространения (географическая вариантность), от социальных слоев (социокультурная вариантность) и эпохи (временная вариантность).

2. ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В СВЕТЕ ОБЩИХ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЯЗЫКОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Возможность варьирования заложена в самой природе языка. Некоторые специфические особенности варьирования французского языка мы рассматриваем (вслед за Г. В. Степановым) в свете общих идей Э. Косериу о языковой системе и языковой норме. Э. Косериу различает в языке два типа структур: функциональную структуру (систему) и «нормальную» (традиционную) систему (норму) (Косериу, 172). Норма – это коллективная реализация системы, которая опирается как на самую систему, так и на элементы, не имеющие различительной нагрузки. Система и норма – это элементы триады «система – норма – речь», где под речью понимается конкретно-индивидуальная реализация нормы, опирающаяся как на самую норму, принятую коллективом, так и на языковую оригинальность индивида. Э. Косериу определяет систему как «систему возможностей», при этом эти «возможности» познаются лишь потому, что в значительной своей части оказываются реализованными (Косериу, 175). Система представляет серию вариантов для ее реализации, что позволяет разграничивать понятия системы и нормы. Г. В. Степанов указывает, что при такой постановке вопроса представляется наглядной техника возникновения вариантности, что объясняет возможность выбора между разными нормальными реализациями и между разными изофункциональными средствами, имеющимися в

системе (Степанов, 57). Э. Косериу сосредоточивает свое внимание на внутренних вариациях, оставляя без внимания «внешние» условия возникновения вариативности (социальная и географическая стратификация). Он исключает из рассмотрения аксиологический аспект нормы, в то время как Г. В. Степанов, учитывая объективный и аксиологический аспекты нормы, дает норме следующее определение: «Языковая норма, понятие нормативности есть социально-историческая категория в том смысле, что самое ее возникновение, формирование и признание за таковую есть история превращения потенциальных возможностей языка как системы выразительных средств в факт осознанных образцов речевого общения в определенной языковой общности в тот или иной период времени» (Степанов, 59).

Наличие вариантности предшествует осознанному или подсознательному принятию и закреплению тех или иных средств выражения как нормативных, общих, традиционных. Г. В. Степанов применяет термин «система» по отношению к единому конкретному историческому языку (в нашем случае, к французскому), а все вариантные разновидности (территориальные и социальные) называет «подсистемами». Любой говорящий на французском языке, будучи носителем частной подсистемы, например, бельгийской, вместе с тем приобщен к системе единого французского языка. Любой француз, оказавшись в Бельгии, например, поймет надписи в магазине: «Nonante euros» или «Septante euros», хотя данные числительные не употребляются на территории Франции. Система и норма – взаимозависимы. В системе не может появиться того, чего не было бы уже в норме, но изменение нормы – это реализация возможности, уже существующей в системе. Основная ошибка в обсуждении проблемы «правильности / неправильности» состоит в смешении двух разнородных явлений. Любой языковой факт может оцениваться

двупланово: во-первых, с точки зрения соответствия или несоответствия системе единого французского языка, а, во-вторых, с точки зрения соответствия или несоответствия частным подсистемам и нормам, например, норме бельгийского или швейцарского французского. Поэтому отклонения, допускаемые системой, но возникающие на уровне нормы, не могут рассматриваться как неправильные. «Правильные инновации», создающие вариантность, могут возникать на всех ярусах языка, однако лексические и семантические неологизмы являются постоянными источниками варьирования французского языка на разных территориях.

Говоря о статусе, следует вернуться к вопросу: как следует рассматривать разновидности французского языка за пределами Франции? В Африке французский язык не выступает основой для национально-этнической идентификации. Варианты французской речи здесь нельзя назвать национальными, ибо здесь французский язык используется как неродной язык отдельных слоев общества. Французский язык выполняет важные функции межэтнического и межгосударственного общения. Имея статус официального языка и не являясь родным для местного населения, французский язык представлен своим территориальным вариантом (Багана, 4). Одновременно с народной разновидностью французского языка существует так называемый стандартный французский язык, который соответствует академической норме и используется элитным меньшинством в качестве официального языка в государственном управлении, прессе, образовании и т. д.

На достаточно высоком уровне обобщения можно считать, что в Бельгии, во Франции, в Канаде, Люксембурге, Монако и Швейцарии говорят на одном языке, то есть на французском. Ведь их объединяет достаточно большое количество общих черт, что позволяет говорить, что речь идет об одном языке: большое сходство фонетических и

интонационных характеристик, значительный процент общей лексики, близкое орфографическое, морфологическое и синтаксическое сходство, поэтому следует говорить о «бельгийском французском», «квебекском» или «швейцарском французском». Очень долго эти варианты рассматривали как региональные варианты, но с середины 1980-х годов стали придерживаться точки зрения, что их необходимо рассматривать как национальные варианты. «Нельзя придавать Квебеку, бельгийской Валлонии и т. д. статус региона, как, например, Нормандии или Бретани. Обладая национальным суверенитетом, эти геолингвистические единицы - такие же страны, как и Франция, и их языковые особенности, рассматриваемые с точки зрения отличий от французского, образуют национальные, а не региональные варианты» (Марусенко, 200). Анализ функциональных и структурных характеристик разновидностей языка, который обслуживает несколько национальных сообществ, позволил отечественной лингвистике сформулировать понятие «национального варианта языка». Это социально-историческая категория, которая обозначает язык, являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах – устной и письменной. Национальный язык формируется вместе с образованием нации, являясь одновременно предпосылкой и условием ее возникновения и существования с одной стороны, и результатом этого процесса – с другой.

Неотъемлемой составной частью общей проблемы развития литературных языков является изучение разновидностей и национальных особенностей современного литературного языка. Основу научного подхода в этой области знания заложили работы А.И. Смирницкого, впервые употребившего термин «варианты» применительно к английскому языку не только в Новом Свете, но и в самой Англии (Смирницкий, с.16), Г.В.Степанова - о национальных вариантах испанского языка в Латинской Америке,

А.И.Домашнева и Э.Г.Ризель – о существовании немецкого языка в Швейцарии и Австрии, Е.А. Реферовской – о специфике французского языка в Квебеке. Ее монография «Французский язык в Канаде», вышедшая в начале 70-х годов прошлого века, стала методологической основой для изучения национальных вариантов языка как в Европе (Швейцария, Бельгия, Люксембург), так и в бывших колониальных владениях Франции, где язык метрополии не имеет этнической языковой опоры (страны Магриба, Океании, Карибского бассейна, бывшей Французской Экваториальной Африки). Среди отечественных языковедов, работавших и работающих в этом направлении, отметим также М.А. Бородину, В.Г. Гака, В.Т. Клокова, Н.Б. Павленко, Л.М. Скрелину, Г.Г. Соколову, А.И. Чередниченко и других. Вариативность дает возможность языку метрополии служить средством человеческого общения, мышления и социальной объективизации не только в стране своего первоначального распространения, но и за ее пределами. Национальные варианты языка отражают специфику государств, в которых они функционируют. Постепенно в национальных вариантах того или иного языка формируются устойчивые языковые черты, являющиеся их основой. Национальный вариант обладает более сложной структурой, чем диалект. Под диалектом понимается разновидность данного языка, употребляемого в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью (БЭС, с.132-133). Помимо собственного диалектального уровня, национальный вариант характеризуется наличием локальной формы разговорно-литературной речи, а также имеет собственную функционально-стилевую подсистему (которая не обязательно совпадает с подсистемами других вариантов). Кроме того, вариант языка обслуживает всю языковую общность, тогда как диалект — только ее часть (чаще всего —

в ограниченном сегменте общественной жизни). Генерирование диалектных инноваций понемногу затухает, и под влиянием литературного языка происходит сглаживание наиболее резких диалектных различий. Расширяется сфера применения литературного языка, усложняются его функции. Общий процесс развития и углубления национальной культуры, возрастающие запросы современного общества диктуют необходимость интенсивного обогащения и постоянного совершенствования синтаксической системы и словарного состава национальных норм литературного языка. На определенном этапе национальный вариант негомогенного языка начинает соотноситься с распространенными в национальных пределах диалектами так же, как литературный язык метрополии соотносится с диалектами в рамках изначального ареала своего распространения. Так, в зоне франко-швейцарской общности французский язык соотносится с так называемыми кантональными диалектами в такой же пропорции, как, к примеру, французский язык в самой Франции с пикардийским, лотарингским, нормандским диалектами.

Слово «диалект» в языкоznании имеет дополнительные коннотации в сравнении с традиционным его использованием. Этот термин предпочтительно употребляется по отношению к форме речи, которая не настолько отличается от другой формы речи, чтобы их носители не понимали друг друга. Группа диалектов — это всего лишь направление в социализированной форме универсальной тенденции к индивидуальному варьированию речи. Эти вариации влияют на фонетическую форму языка, его формальные характеристики, словарь, и такие просодические признаки, как интонация и ударение. Социум, который принимает новый язык, неосознанно привносит в него специфику собственной формы речи, достаточно значимую для придания языку-пришельцу диалектной окраски. При этом многие лингвисты, изучающие этот

процесс, трактуют его как отступление от канонической нормы литературного языка или даже как ее искажение.

Вопрос об определении границы язык/диалекты, рассматриваемый в настоящей работе на примере функционирования языка во франкоязычных кантонах Швейцарии и на территории франкоязычной Бельгии, исследуется на основании трех критериев: размер, престиж и взаимопонятность. Впрочем, с чисто лингвистической точки зрения, не всегда и не везде вышеперечисленных критериев бывает достаточно. До сих пор ведутся споры у марийцев (восточно-луговой и горно-марийский – языки или диалекты?). Для языка бесермян и удмуртов лингвистами введен промежуточный языковой статус «идиом». А у селькупов, где существует большое число диалектов, нормы литературного языка так и не сложилось (Кузнецова, с. 124). Кроме того, диалекты, находящиеся в отрыве друг от друга, «дрейфуют» в направлении к экстрапреториальным вариантам языка или даже к самостоятельным языкам (как карпаторусский язык русинов). Остается напомнить метафору известного германиста Г. Вайнриха (H. Weinrich): «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот» (Вахтин, Головко, с.43).

Следует также различать национальные и региональные варианты литературного языка. Французские лингвисты определяют региональный язык как «...совокупность всех устных или письменных позитивных или негативных лингвистических явлений, созданных говорящими на французском языке и ограниченных в географическом плане одним пунктом или более или менее значительной суммой пунктов» (Taverdet, с. 41-42). Его коллега, языковед Г. Тюайон (Tuailion, с.8), уточняет это определение, подчеркивая, что французский региональный язык - это «геолингвистические варианты французского языка, а не диалекта».

Закономерности лингвистической географии позволяют сформулировать четкие критерии для классификации вариантов языка. В национальных вариантах местная специфика (культивирование диалектных и ареальных особенностей) является лишь одним из источников развития языка. Эти варианты в большей степени нормированы, что определяется их ролью в системе государственных отношений (образование, юриспруденция, СМИ, кино, театр и т. п.). Региональные литературные языки менее нормированы, но могут выполнять одну или несколько упомянутых функций. Эти языки менее чем национальные варианты подчинены нормализации. Они основываются на совокупности местных особенностей, но на почве заметно различающихся между собой диалектов могут трансформироваться в процессе дивергенции в самостоятельные языки с обширным ареалом распространения. Подобная лингвистическая ситуация характерна для восточных славян, где исторически сложились языки русский, украинский и белорусский (хотя некоторые исследователи продолжают считать их диалектами одного языка) (Кузнецова, с. 12).

Таким образом, принципиальное различие между региональными и национальными вариантами заключается в их функциональном статусе, поскольку национальный вариант как литературная норма языка выполняет все общественные и государственные функции, тогда как региональная разновидность реализуется, в основном, в устном общении и может приобретать стилистическое значение в художественной литературе. Кроме того, с точки зрения основного инвентаря элементов своей структуры национальные варианты, как правило, едины. Однако это единство не предполагает обязательного их тождества, и «было бы нематериалистично и недиалектично считать, что язык, обслуживающий одну нацию, одно общество, одну национальную культуру, науку и литературу, может иметь ту

же природу, что и язык, распределяющий те же функции между двумя нациями» (Ризель, с. 53). Именно эта неидентичность языка самому себе привела лингвистику к необходимости признать факт существования национальных вариантов негомогенных литературных языков. Подчеркнем, что речь не идет об экстремальных ситуациях, когда возникает контактный язык, называемый пиджином или о случаях конвергенции, характерных для языковых союзов. «Моментом истины» при возникновении национального варианта языка становится стремление вновь образуемого социума обрести собственную идентичность.

Успеху разработки идеи национальных вариантов способствовало развитие теории литературного языка, которая основывается на понятиях системы и нормы и изучает как внутреннюю организацию языковых систем, так и многообразие связей языковых систем с социумом, который они обслуживают. Приведем следующую характеристику национальных вариантов языка. Это «формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» (Степанов, с.22). Таким образом, национальный вариант является особой формой функционирования единого языка. Такие формы не обладают резкими структурными расхождениями и представляют собой «подобия зачинающихся (или зачинавшихся) языковых видов» (Степанов, с. 20), которые только при определенных условиях становятся резкими разновидностями. Они обладают совокупностью признаков, которые обеспечивают им не только известную стабильность, но и выработку определенных тенденций дальнейшего развития в русле этих форм. Отметим, что параллельно происходит обратный процесс, в ходе которого возникающие отклонения нивелируются.

Интерпретация национальных вариантов языка как систем, обладающих устойчивостью и эволюционной перспективой, представляется значительным достижением отечественной лингвистики. Так, еще в начале 50-х гг. прошлого столетия, советский языковед Э.Г. Ризель рассматривала «существование разных форм в словарном составе» языка немцев и австрийцев в качестве своеобразных дублетов, находящихся «на разных ступенях их внедрения в общий словарь литературного немецкого языка» (Ризель, с. 163). Для того времени это суждение было шагом вперед, так как любые своеобразия австрийского национального варианта трактовались германскими лингвистами как нарушения немецкой литературной нормы. Справедливости ради отметим, что обратная реакция ряда зарубежных лингвистов оказалась еще радикальнее. Так, американский профессор Г. Менкен выдвинул тезис о независимом от английского литературного языка «отдельном и самостоятельном американском языке» (Mencken, 1957).

При всем многообразии конкретных условий выделим три основных типа происхождения национального варианта литературного языка. Они могут:

- стать результатом синтеза литературных норм на основе родственных диалектов. Примером может служить французский язык в Бельгии и Швейцарии, немецкий - в Австрии и Швейцарии;
- развиваться путем трансплантации в ходе миграции его носителей. Такова природа французского языка в Квебеке; латиноамериканских вариантов испанского; американского, канадского, австралийского и новозеландского вариантов английского языка;
- возникнуть как реакция на территориальное размежевание языковой общности. Речь идет о государственных границах, разделивших некогда единые языковые ареалы. Пример тому - немецкий язык южной

части Тироля, переданной Италии по Сен-Жерменскому мирному договору, который страны Антанты продиктовали бывшей Австро-Венгрии в 1919 году. За истекшие годы в языке итальянского Тироля сформировались вполне определенные отличия от литературной нормы австрийского варианта немецкого языка (Домашнев, с.17).

Таким образом, национальные варианты базируются на многих диалектах, каждый из которых привносит в этот вариант формирующегося литературного языка свои характерные особенности, тем более что в большинстве цивилизованных стран существуют культурные центры, сохраняющие, поддерживающие и развивающие лингвистические и литературные традиции. При этом история и политические судьбы государства предопределяют вектор развития национального варианта: превратится ли он в полноценную литературную норму или будет низведен до уровня регионального языка или даже диалекта. Вопрос о вариативности национального языка возникает, когда в языке имеется не менее двух литературных норм. Две нормы норвежского языка — ландсмол и риксмол; албанского языка — тоскская и гегская; армянского языка — восточная и западная; нидерландского языка — северная и южная и т. п. Вариантов литературного языка может быть несколько. Например, в истории развития французского литературного языка был период, когда региональные литературные языки существовали в ряде областей: Пикардии, Нормандии, Лотарингии, Валлонии, но только региональный литературный язык Валлонии сохранился до наших дней. Несколько региональных литературных языков (или, может быть, литературных диалектов) есть в баскском языке (лабурденский, гипускоа и др.). В швейцарском ретороманском таких вариантов шесть. Особый случай вариативности литературного языка представляет его применение в качестве государственного в инонациональном государстве (европейские языки в странах Азии и Африки).

Это лишь внешне сближает возникающую разновидность литературного языка с национальным вариантом, норма которого в этом случае в должной мере не кодифицирована. Неглубокий социальный охват населения, владеющего этим языком, создает очевидную диспропорцию между престижным положением языка-официоза и ограниченностью сфер его использования. Таким образом, фактическое отсутствие собственного языкового стандарта затрагивает сущностные стороны национально-языковых отношений.

Исследования конкретных национальных и региональных вариантов проводятся на основе лексикографических изданий, литературных и официальных текстов, а также методами анкетирования и картографирования отдельных явлений.

Суммируя изученную литературу по данному вопросу, можно сделать следующие выводы.

Национальные варианты как компоненты «состояния» литературного языка являются сложной исторической категорией, существовавшей на разных этапах своего развития, вначале как этап, предшествующий созданию литературной нормы, затем - как промежуточное звено между литературным языком и отмирающими диалектами. Это подчеркивает научную легитимность появления и существования данного лингвистического явления.

Специфика национальных вариантов проявляется в их пространственной недетерминированности (по сравнению с более определенным положением диалектов и регионализмов), поскольку возможны как совпадения, так и несовпадения с местными диалектными ареалами.

Основными источниками регионализмов становятся архаизмы и диалектизмы, а также внутреннее развитие языка

(потеря первичной мотивации, метафорические и метонимические переносы) и заимствования из соседних диалектных ареалов.

При сопоставлении регионализмов на лексическом, лексико-семантическом, фонологическом и синтаксическом уровнях, к примеру, с центральнофранцузской нормой (*le français standard*), выявляется неслучайный, «системный» характер девиаций, причем лексические регионализмы доминируют над другими уровнями языка.

Хотя регионализмы фиксируются в письменной и устной разновидности литературного языка, они в первую очередь пронизывают ткань разговорной речи различных социальных слоев.

Например, чтобы доказать, что во франкоязычной Бельгии имеется своя национальная норма, нужно доказать, что, с одной стороны, наличие государственной границы характеризуется изменением оценки узусов, а с другой – что внутри страны национальные особенности выражены сильнее, чем региональные или этнические:

государственная граница определяет изменение узуса (например, именно по государственной границе распределяются разные просодические структуры и употребление или неупотребление некоторых лексических единиц);

внутри страны национальные особенности выражены более сильно, чем региональные (если при прослушивании записей бельгийских и французских дикторов слушателями в 86% случаев правильно указывается национальность, то принадлежность к тому или иному бельгийскому региону угадывается крайне редко).

Французский язык бельгийцев и швейцарцев является национальным вариантом, т. к. ему свойственно соответствие функциям национального варианта: ранг официального, наличие национальной литературной нормы, статус родного для значительного числа жителей, выполнение полного объема общественных функций и лингвокультурологическая специфика (Фирсова, с. 19-20).

3. ФРАНКОФОНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ БЕЛЬГИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

3.1 Процесс формирования бельгийской государственности

Несмотря на двухтысячелетнюю историю, современное бельгийское государство – одно из самых молодых в Европе. Ведь как самостоятельное государство, оно ведет начало с 1830 года. Суть лингвистических проблем в Бельгии невозможно понять без анализа бельгийской истории, которая теснейшим образом переплелась с современностью.

Название страны «Бельгия» идет от названия воинственных кельтских племен «белги», населявших территорию между Сеной и нижним Рейном. Только после десятилетнего сопротивления белгов римским легионам, Г. Ю. Цезарь создает римскую провинцию Белгику. В течение почти пяти веков Белгики подвергалась сильной романизации, затронувшей в большей мере юг страны, где потомки белгов утратили свой язык и кельтские народные традиции, образовав валлонскую народность. Север Белгики сохранял кельтскую самобытность, которая усилилась после завоевания страны германскими племенами франков, саксов и фризов (V век). Будучи, все же, частично романизированными, северокельтские племена смешиваются

с германскими племенами, дав начало второй народности Бельгии – фламандцам.

В средние века на территории Бельгии появляется ряд феодальных княжеств, самое могущественное из которых графство Фландрия, включавшее большую часть Северной Бельгии, часть Северной Франции и часть Голландии. На юге страны образовываются более мелкие светские и церковные провинции: графства Люксембург, Эно, Намюр, Лимбург, епископство Льежское, герцогство Брабант со столицей в Брюсселе. Растет значение торговых городов, особенно Брюгге. Названия девяти административных провинций, на которые разделена Бельгия с 1831 года, служат памятью о средневековых феодальных владениях.

В XI – XV веках Фландрия и Брабант ведут постоянные феодальные войны за господство над остальными бельгийскими владениями, при этом Фландрия ищет поддержки у Англии, а Брабант – у Франции. Вмешательство таких государств как Англия, Австрия, Испания, Франция в процесс формирования бельгийской государственности наложило отпечаток на всю историю Бельгии и ее ближайшего соседа – Голландии. Высокого расцвета достигают искусство и наука. В 1425 г. основывается Лувенский университет, где читает лекции Эразм Роттердамский.

Во второй половине XV века с политической карты Европы исчезают исторические названия прежних бельгийских и голландских провинций в связи с установлением господства испанской династии Габсбургов. Вводится название Испанские Нидерланды, ставшие объектом территориальных притязаний Австрии, Англии и Франции. Начинаются продолжительные войны за «испанское наследство». В XVI веке в голландско-бельгийских провинциях вспыхивает первая в Западной Европе буржуазная революция, которая длится почти

полвека и завершается победой только в Северных Нидерландах (Голландия), где возникает первая в Европе буржуазная республика. С этого времени развитие Северных и Южных Нидерландов идет в разных направлениях, причем Южные Нидерланды остаются оплотом католицизма, а в Северных Нидерландах официальной религией становится кальвинизм. По решению Уtrechtского мирного конгресса 1714 года Южными Нидерландами (Бельгией) стали владеть австрийские Габсбурги. Последующие сто лет бельгийский народ ведет борьбу за национальную независимость сначала против австрийского господства (Брабантская революция 1789-1790 гг.), с 1795 года Австрийские Нидерланды входят в состав Франции, а затем против голландского господства (1814-1830 годы). Результатом Венского конгресса 1814-1815 гг. становится создание Нидерландского королевства, объединяющего Голландию и Бельгию. Революция в 1830 г. завершается победой и провозглашением независимости Бельгии. Флаг Брабантского графства становится национальным бельгийским флагом.

Лондонская конференция послов пяти великих держав специальными протоколами в декабре 1830 - январе 1831 года санкционирует создание Бельгийского независимого государства. В стране вводится конституционная монархия английского образца, на престол восходит родственник английской королевы принц Леопольд Саксен-Кобургский, который с июня 1831 года воцаряется в Бельгии под именем Леопольда I. В 1839 году Бельгия при поддержке Франции и Англии расширяет свою территорию за счет большей части Великого Герцогства Люксембургского, а также голландской провинции Лимбург. Во время Первой мировой войны Бельгия была оккупирована Германией, бельгийское правительство бежало во Францию, где декларировало вступление в войну на стороне Антанты. После поражения Германии Бельгии в 1919 году была

передана бывшая германская колония Руанда – Урунди, а также два германских округа – Эйпен и Мальмеди – где в настоящее время проживает около 65 тысяч говорящих по-немецки бельгийцев.

В настоящее время, Бельгия – наследственная парламентарная монархия – королевство. С 1830 года в стране царствует одна династия, ведущая начало от принца Леопольда Саксон-Кобургского. Однако по установившейся традиции король в Бельгии царствует, но не управляет. Конституция Бельгии была принята 7 февраля 1831 года. Высший законодательный орган страны – парламент – состоит из двух палат: Палаты представителей и Сената. Исполнительная власть фактически принадлежит правительству, которое состоит из равного количества франкоязычных и нидерландоязычных министров. Бельгия – федеративное государство, которое включает три региона: Валлонский, Фламандский и Брюссельский. Северную часть (провинции Антверпен, Лимбург, Восточная и Западная Фландрис, Фламандский Брабант) населяют фламандцы, говорящие на нидерландском языке. Южную часть (провинции Льеж, Эно, Намюр, Люксембург, Валлонский Брабант) населяют валлоны, говорящие на французском языке. В Брюссельском округе произошло территориальное смешение фламандцев и валлонов. Небольшое число немцев живет в округах Эйпен и Мальмеди на востоке страны. Бельгия включает три лингвистических сообщества: Французское, Фламандское и Германоязычное. Состоит из четырех лингвистических регионов: французского, нидерландского, немецкого и двуязычного региона Брюссель-столица. Бельгия – член ООН, ЕЭС, СЕ, ОБСЕ, НАТО, Европейского объединения угля и стали, Евратора, ВТО, МВФ, МБРР.

Между двумя основными национальностями – фламандцами и валлонами – существуют острые языковые разногласия, корни которых следует искать в истории. Еще со времени присоединения Бельгии к Франции в стране господствовали французская культура и французский язык. После образования независимого государства французский язык, будучи языком более развитой в промышленном отношении Валлонии, еще более утвердился как единственный государственный язык страны. Начавшееся с конца XIX в. движение за возрождение и равноправие фламандской культуры и языка привело к заключению в 1929 г. так называемого «компромисса бельгийцев». Была введена раздельная администрация для Фландрии и Валлонии, установлен особый статус для Брюсселя, а нидерландский язык признан вторым официальным языком Бельгии. Однако «языковая война» до сих пор не потеряла остроты. В 1963 году была проведена так называемая лингвистическая граница официального расселения валлонов и фламандцев, которая разделила страну на Фландию на севере и Валлонию на юге; в каждой из них узаконивалось употребление своего языка. Начиная с 60-х годов 20 века промышленность растет более высокими темпами на севере страны, чем на юге. К тому же, на протяжении всего XX века доля фламандцев в общем населении постоянно растет, в то время как доля валлонов падает. Валлоны ныне составляют лишь треть всех жителей Бельгии.

В 1962 году в Лувенском университете, находящемся во фламандской зоне, вспыхнули массовые демонстрации, и даже был организован «поход на Брюссель» с требованиями прекратить преподавание на французском языке. Так был основан Лувенский католический университет, находящийся на территории Валлонии. Сменяющие друг друга бельгийские правительства (за послевоенные годы в стране сменилось около 40 правительств) пытаются решить

национальную проблему путем проведения административной реформы. В 1970 году в Конституцию была введена статья, в которой официально провозглашалось в стране наличие трех регионов, однако статус их определен не был. В 1980 году Фландрии и Валлонии были предоставлены ограниченные автономные полномочия в области культуры, социальной политики, жилищного строительства и др.

3.2. Национально-психологические особенности франкоязычных этносов и понятие этнической идентичности

Без понимания национального характера этноса едва ли можно адекватно интерпретировать его речевую и лингвокреативную деятельность. Национальный характер – изосемичная психологическая проекция менталитета, отражение типовых психологических черт, которые присутствуют у значительного числа индивидов данного этноса. Психологическая составляющая национального характера издавна интересовала философов, психологов, писателей этнографов. Прежде всего, культурное многообразие отделяет различные этносы. Причем понятие культуры, объединяющей этнос, диалектично: с одной стороны, конкретный этнос характеризуется единством культурного наследия, с другой, - на разных территориях расселения народа наблюдаются порой существенные различия в культуре. Литература, искусство, единая религия, национальная кухня, народные обычаи и обряды, традиционные занятия, нормы поведения составляют основу развития единого этноса. Традиционная одежда валлонов почти та же, что и у жителей соседних районов Франции. Праздничный национальный костюм валлонки – узкая

полосатая длинная юбка, пестрая кофта, темный фартук и перекрещивающаяся на груди небольшая косынка. Основные детали мужского валлонского костюма – длинная широкая блуза синего цвета и непременно берет. Основу пищи и фламандцев, и валлонов составляют овощные и молочные продукты. Любимым бельгийским блюдом считается бифштекс с «помм фри» («фритюр»). Большой популярностью также пользуются блюда из моллюсков. Из напитков бельгийцы всегда отдавали предпочтение пиву и кофе.

По сравнению с другими европейскими странами Бельгия отличается обилием народных праздников. Ежегодно в разных районах страны отмечается более чем 200 праздников местного фольклора. Многие города сохранили старинные ремесла (плетение кружев, ковроткачество, производство кустарных полотен, медной посуды и т. д.). Особенno почитаются в Бельгии народные праздники местного фольклора, как, например, медвежьи карнавалы в Арденнах, лягушачьи гонки в Шенберге, праздник каналов в Брюгге, шествие «ведьм» в Беселаре, шествие «котов» в Ипре и многие другие. Праздники обычно приурочиваются к дням святого покровителя города или церкви – кermесам. Любимый праздник у валлонов, как и у других романских народов, - карнавал с песнями и танцами. Особенno популярны пышные карнавалы небольшого городка Бенш на юге страны с участием клоунов – «жили» в своеобразных костюмах с высокими головными уборами из пышных страусовых перьев.

Довольно велика религиозность бельгийцев, почти все верующие – католики. Торжественно отмечаются в Бельгии дни св. Мартина (11 ноября) и св. Николая (6 декабря). Исторически это связано с тем, что святой Мартин, так же как и во Франции, считается покровителем Галлии.

Национальный менталитет относится к базовым характеристикам этноса. Под «менталитетом» обычно понимают сформировавшийся под влиянием традиций культуры глубинный уровень коллективного сознания, склад ума и духовности, а также тип мировосприятия социума (Кононенко, 264). В этнологии под менталитетом понимается «система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах» (Лурье, 228), при этом этническая картина мира рассматривается как «сформировавшиеся на основании этнических констант, с одной стороны, и ценностных доминант – с другой, представления человека о мире – отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные» (Лурье, 228). По сравнению с языковой картиной мира, менталитет – явление более широкое, так как менталитет охватывает как языковые, так и неязыковые коды и реализации. В. И. Карасик отмечает, что «проблема языковой картины мира сводится к фундаментальному вопросу о специфике отражения бытия через язык» (Карасик, 99). Между менталитетом и ЯКМ образуются отношения «общего» и «частного».

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния культур, соотношения языка и культуры, поиск оптимальных форм межкультурного общения всегда привлекали внимание ученых.

В основу современной коммуникативистики положены идеи Вильгельма фон Гумбольдта, которые впоследствии были развиты другими исследователями: Ш. Балли, В. Вундтом, Я. Гриммом, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебней, Р. Раском и другими. Гипотеза лингвистической относительности, разработанная Э.

Сепиром и Б. Уорфом, послужила мощным толчком для развития дальнейших теорий, посвященных взаимосвязи языка и культуры (например, положения европейского направления неогумбольдтианства (Л. Вайсгербер, П. Гартман, Г. Ипсен и др.), которые рассматривают язык не как средство мышления, а как промежуточный мир между объективной действительностью и мышлением). Они исходят из положения о том, что мышление каждого народа имеет специфические национальные черты, вследствие чего его развитие целиком определяется имманентным развитием национального языка (Панфилов, 23-25).

Этнолингвистика как самостоятельное направление зародилась в недрах этнографии на рубеже XIX –XX вв. С 70-х гг. XIX в. в США начинают проводиться этнолингвистические исследования, связанные с изучением индейских племен Северной, а затем Центральной Америки. В 20-30 гг. XX в. были заложены основы дескриптивистики, на которых могли строиться многие исследования по этнолингвистике. Э. Сепир в фундаментальном труде, описывающем родство языка хопи с шошонскими языками, а последних – с языками пима и нахуатль, впервые применяет сравнительно-исторический метод, устанавливающий точные системно-фонологические реконструкции относительно языков американских индейцев (1913 -1915). В 20-е гг. XX в. появляются труды Э. Сепира по другим индейским языкам, а в 30-40-х годах выходят работы того же плана Б. Уорфа, Дж. Трэгера, Г. Хойера. В 50-60-х гг. Ч. Вегелин связал ареальную лингвистику с типологическим подходом и показал потенциал такого взаимодействия на материале индейских языков всего американского континента. Начало 50-х гг. XX в. характеризуется возрождением интереса к широкому спектру семантических проблем в русле этнолингвистики, чему способствовали, в первую очередь, два фактора. Во-первых, это положение

гипотезы Сепира-Уорфа о том, что язык определяет способ восприятия действительности носителями данного языка и детерминирует определенные устойчивые модели анализа опыта говорящих по значимым категориям. Позднее Г. Хойер в некоторых своих работах дает критическое освещение данной концепции, а в 1953 году он организует научную конференцию в Чикаго. Чикагская конференция приходит к более важному результату, чем непосредственное многогранное обсуждение гипотезы, - она обращает внимание ученых на значимость исследований по проблемам семантики в целом. Вторым стимулом для возобновления семантических исследований послужил юго-западный проект по сопоставительной психолингвистике, ставший основой для совместной работы психологов и лингвистов в области семантики. Таким образом, основное направление, характеризующее большинство этнолингвистических исследований в США, как по диахронической лингвистике, так и по этнической семантике, носят лингвокультурологический характер.

Этнолингвистика в России развивается в работах А. Н. Афанасьева, М. А. Бородиной, Ф. И. Буслаева, В. М. Жирмунского, С. Ф. Карского, Б. А. Ларина, А. А. Потебни, Н. С. Трубецкого, А. А. Шахматова. На стыке социолингвистики и лингводидактики формируется новая научно-прикладная дисциплина – лингвострановедение – предмет, методы и терминологический аппарат которой изложен в трудах Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. В 90-е годы XX в. проблемами этнолингвистики активно занимались А. С. Герд, С. Е. Никитина, Н. И. Толстой, С. М. Толстая. В эти годы перед отечественной этнолингвистикой был поставлен ряд задач: создание этнолингвистических атласов; описание конкретных языков и языковых семей сквозь призму этнической истории носителей языков и т. д. В начале XXI века этнолингвистические проблемы стали активно разрабатываться и решаться в регионах.

3.3 Механизмы межкультурной коммуникации в свете специфических черт бельгийского общения

Хотя сами межкультурные контакты восходят к незапамятным временам, однако реальные очертания теория межкультурной коммуникации (МКК) получила лишь после Второй мировой войны в коммуникативистике США. Ее основателем считается антрополог Э. Т. Холл, в книге которого «*Silent Language*» впервые подробно анализировалось взаимоотношение коммуникации и культуры. Два основных направления исследований в области МКК - это интернациональная межкультурная коммуникация и внутренняя межэтническая коммуникация. Мы проводим исследование особенностей функционирования французского языка на территории Бельгии – многоязычного государства. Для нас абсолютно логичным является построение единой теории, вбирающей в себя достижения обоих научных направлений, с целью нахождения ответа на вопросы: как разные культуры (Франции и Бельгии) накладывают отпечаток на единый язык, и как осуществляется коммуникация на разных языках (французский, фламандский и немецкий) в рамках единого государства?

Концепция А. Вежбицкой предлагает «выявлять свойства национального характера, вычитывая их из национально-специфического в соответствующих языках» (Вежбицкая, с. 21). В отличие от Сепира и Уорфа, она считает, что, «наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира» (Вежбицкая, с. 321).

У. Б. Харт пишет о трех уровнях исследования культуры: монокультурном, кросскультурном и интеркультурном. Изучение монокультуры характерно для изысканий в области антропологии и социологии. Кросскультурные исследования предполагают сопоставление двух и более культур, интеркультурные – анализ взаимодействия двух и более культур (характер и последствия) (цит. по Леонтович, 14).

Бельгия, будучи сравнительно молодым государством, стала мощной европейской державой с единой культурой и плоралистским обществом. Именно поэтому мы считаем возможным анализировать бельгийскую культуру, учитывая межэтнические отношения внутри общества, то есть анализируя валлонский, фламандский, немецкий и другие компоненты, входящие в единую культуру. С другой стороны, проводя исследование бельгийского варианта французского языка, мы реализуем интеркультурный анализ взаимодействий между Бельгией и Францией.

В теории МКК постоянно возникают новые области для исследования: медиа-экология; коммуникация в контексте глобализации культуры (эта область интересов наиболее актуальна для такого государства как Бельгия – центра европейской жизни). С медиаэкологией в некоторой степени смыкается эколингвистика, суть которой заключается в биокультурном подходе к сохранению многообразия на Земле, включая лингвистическое многообразие (не случайно бельгийское общество уделяет столь серьезное внимание сохранению валлонского языка).

К механизмам межкультурной коммуникации относят: характер когниции, абстрагирование и фильтрация информации, упрощение, ассоциирование, комбинирование и реорганизация информации, расстановка акцентов,

заполнение пробелов, интерпретация (Леонович, 21). Рассмотрим некоторые механизмы в свете специфических черт бельгийского общения.

Процесс когниции в межкультурной коммуникации должен осуществляться в модифицированном виде, с настроем на необходимость преодоления межкультурных барьеров. Д. П. Гилфорд выделяет две ведущие когнитивные модели, основанные на конвергентном и дивергентном мышлении. Понятие конвергентного мышления относится к ситуациям, когда ряд фактов приводит двух и более коммуникантов к одному и тому же выводу. Дивергентное же мышление имеет место, когда, отталкиваясь от одного и того же факта, коммуниканты приходят к разным логическим выводам.

Наблюдая факты чужой культуры, сходные с аналогичными проявлениями в родной культуре, коммуниканты объясняют их через призму знакомого и привычного, иногда приходя к неоправданным выводам (конвергентное мышление).

Дивергентное мышление позволяет коммуникантам развести явления родной и чужой культуры, делая допуски на возможные культурные различия и их адекватное объяснение. Подобное объяснение можно дать в ситуациях, когда разные объекты в родной и чужой культуре имеют одинаковые наименования, но при этом различаются по своему содержанию. Например, «hôtel de ville» во Франции и Бельгии. Умелому оперированию в двух когнитивных системах способствует когнитивная гибкость, вырабатываемая на основе опыта межкультурного общения.

Следующими механизмами межкультурной коммуникации являются абстрагирование и фильтрация информации. Например, стереотипизация на основе

сформировавшихся ранее предубеждений может стать фильтром, препятствующим эффективному общению. В частности, мы проводили эксперимент, в котором приняли участие 20 бельгийцев и 20 французов обоих полов в возрасте от 20 до 60 лет. Нами был предложен ряд заданий, среди которых:

подобрать три ключевых слова, характеризующих основные черты характера а) бельгийцев; б) французов.

Результаты исследования позволяют судить о стереотипизированных представлениях, сложившихся у французов о бельгийцах и наоборот.

Положительное отношение к партнеру по коммуникации заставляет фиксировать внимание на хорошем и игнорировать плохое, в то время как при отрицательном отношении действует противоположная тенденция.

Ассоциирование, являясь механизмом межкультурной коммуникации, позволяет классифицировать объекты на основе их сходства с некоторыми прототипами. Неадекватное использование предшествующего опыта может привести к формированию стереотипов. Некоторые индивидуальные черты того или иного бельгийца могут, например, быть типологизированы представителями других национальностей.

С точки зрения Э. Холла, понятие контекста связано с двумя процессами, один из которых осуществляется внутри организма человека, а другой – вне его. Внутренний контекст включает прошлый опыт коммуниканта, запрограммированный в его сознании и структуре нервной системы. Под внешним контекстом, в свою очередь, подразумевается физическое окружение, а также иная

информация, имплицитно содержащаяся в коммуникативном взаимодействии, включая характер межличностных взаимоотношений между коммуникантами и социальные обстоятельства общения.

В свою очередь во внешнем контексте выделяют локальный и хронологический контексты, сфера и условия общения определяют его характер. Таким образом, Бельгию (государство) можно рассматривать как макроконтекст, а ее франкоязычную часть – как микроконтекст. Коммуникант, находящийся на своей территории, чувствует себя более комфортно и лучше ориентируется в пространстве собственной культуры.

Временной контекст также оказывает влияние на ряд параметров межкультурного общения. В различные временные отрезки по-разному складываются взаимоотношения между государствами и их международный авторитет, что определяет характер самоидентификации участников межкультурной коммуникации. Престиж Бельгии на международной арене значительно возрос после размещения в Брюсселе ряда европейских организаций.

В разных культурах различается степень терпимости к определенным темам. Интересными представляются результаты опроса общественного мнения, проведенного нами среди французов и бельгийцев. Основной вопрос звучал следующим образом: какие темы общения вы считаете неприемлемыми, а какие - «безопасными»?

Иногда тематика беседы строится вокруг ключевого слова, неверное понимание которого приводит к коммуникативной неудаче. Например, бельгийский друг может пригласить вас на «dîner», что во французском языке Франции означает «ужин». Не осознавая, что речь идет о

разных понятиях, вы можете быть удивлены, когда вам уточнят час: ведь в Бельгии «dîner» - это обед.

Понятие культурно-языкового кода - одно из ключевых в межкультурной коммуникации. Использование одного и того же кода обычно приводит к успеху в коммуникации, но не гарантирует его. Иллюзия коммуникации между французами и бельгийцами заключается в том, что, общаясь на одном языке, они часто не учитывают языковые и культурные особенности, что иногда приводит к частичной блокировке каналов коммуникации. Ведь успех коммуникации в условиях полинациональных языков, существующих в разных территориальных и национальных вариантах, зависит от уровня культурно-языковой компетенции участников общения. Культурно-языковой код тесным образом связан с понятиями менталитета и национального характера.

Внутренняя кодировка информации объясняет, почему слово или словосочетание бессмысленно для одних людей и может быть исполненным глубокого смысла для других. Поэтому информация на двух концах коммуникативной цепочки, особенно если отправитель и получатель информации принадлежат разным культурам и обладают разным объемом фоновых знаний, никогда полностью не совпадает. Например, автор книги «*Ni vous sans moi, ni moi sans vous*» F. Mallet-Joris, рассказывая историю (и историю) человеческих отношений, развертывает повествование вокруг архитектурного сооружения – Пагоды (*la Pagode*) (название дома), являющегося неким соединительным звеном и лейтмотивом в судьбах главных героев. Ф. Мале-Жорис совершает своего рода экскурс по архитектурному прошлому и настоящему своей Родины – Бельгии. Имена бельгийских архитекторов – Josef Hoffmann, Horta, Hankar – известны большей части бельгийцев с

определенным запасом культурной грамотности, тогда как даже самым образованным иностранцам приходится прибегать к словарям, чтобы убедиться в аутентичности описываемых в некоторых отрывках моментов. Успешные коммуникативные контакты могут основываться на единстве используемых концептов, фоновых знаний, пресуппозиций, аллюзий и других культурно-языковых средств.

Межкультурная компетенция участников коммуникации включает, по крайней мере, три составляющие: языковую, коммуникативную и культурную. Языковая компетенция применительно к межкультурной коммуникации является понятием относительным: помимо различий в целях коммуникации и социального критерия, в разных культурах могут не совпадать представления о том, что является правильным и неправильным языковым употреблением. Например, произнесение ряда конечных согласных на конце слов в бельгийском варианте французского языка воспринимается французами как неправильное.

Коммуникативная компетенция в межкультурной коммуникации предполагает учет культурных различий, изменений коммуникативной ситуации и поведения коммуникантов. Культурная компетенция – необходимый фактор эффективной межкультурной коммуникации. Она предусматривает понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры (Леонович, 47). Культурная компетенция участника межкультурной коммуникации предполагает умение извлечь информацию из таких единиц языка, как топонимы, антропонимы, названия политических реалий, известных книг, фильмов и т. д. Например, Бельгия не без оснований является Родиной комиксов. Герой комикса *Tintin*

стал практически бельгийским национальным героем. При опросе детей в возрасте от 7 до 12 лет мы убедились в том, что бельгийские дети без труда отвечали на вопросы, где героями выступали герои современных комиксов, тогда как французские дети нередко испытывали трудности с их идентификацией. Культурная грамотность – наиболее динамичный компонент компетенции. Речевые ситуации, темами которых выступают текущая политическая ситуация в стране, сплетни, скандалы, современные исполнители, мода, не вызывают трудностей у носителей культуры, но провоцируют определенные барьеры даже у представителей соседних культур.

Еще один феномен, на котором мы считаем необходимым остановиться. Французы и франкоязычные бельгийцы, в силу языковой общности, склонны завышать уровень своей культурно-языковой компетенции. Подобная переоценка нередко становится помехой в межкультурной коммуникации между представителями французской и бельгийской культур.

Мы рассматриваем модель межкультурной коммуникации, репрезентирующую взаимоотношения между, с одной стороны, Францией и франкоязычной Бельгией, а, с другой стороны, между разными языковыми сообществами внутри одного государства – Бельгии. Данная модель опирается на принцип анализа культуры как целостной многоуровневой открытой сверхсистемы в масштабах человеческой цивилизации и индивидуальных культур как составляющих ее систем. Межкультурная коммуникация рассматривается как динамическая сущность, в связи с постоянным развитием языков и культур, а также развитием языковых личностей.

В Бельгии языковая политика применяется к ситуации, при которой несколько языков находятся в состоянии контакта или даже конфликта. Бельгийская языковая политика направлена на изменение относительного статуса различных языков с тем, чтобы они лучше соответствовали потребностям общества. Понятно, что по мере изменения этих потребностей меняется и сознание того, что справедливо или несправедливо в области языковой политики. Таким образом, бельгийская языковая политика – это эволюционирующая реакция на меняющуюся языковую ситуацию, которая должна строиться с учетом социальных, экономических и политических реальностей. Особый аспект этой проблемы – отношения между французским и фламандским языками.

3.4. Партикуляризмы в бельгийском варианте французского языка

Статус бельгийского варианта французского языка вызывает непрекращающиеся споры. Появление бельгицизмов, материальных носителей специфики данного варианта, носит закономерный характер: оно обусловлено культурно-историческими, политическими и социальными факторами формирования и развития бельгийской языковой ситуации (рис. 1).

Рис.1. Лингвистическая карта Бельгии

Бельгийские и французские лингвисты исследуют отдельные языковые уровни бельгийского варианта французского языка, в частности, лексический уровень анализируют Ж. Анс, А. Доппань, А. Буржуа, А. Виатт, А. Госс (J. Hanse, A. Doppagne, A. Bourgeois, A. Viatte, A. Goosse), морфолого-синтаксический - Б. Винд, Г. Коэн, Ж. Поль (B. Wind, G. Cohen, J. Pohl). Обычно акцент в

исследованиях ставится на отдельных, наиболее специфических признаках бельгийского варианта французского языка, не всегда носящих принципиальный характер. Многие исследователи рассматривают бельгийский вариант с точки зрения правил и норм метропольного варианта французского языка; данное положение относится и к анализу языка бельгийской литературы, несмотря на то, что бельгийская литература существует как самостоятельная и вполне оригинальная уже с конца XIX века.

Фонетические различия между бельгийским и французским вариантами языка наряду с лексическими составляют основу местной дифференциации. Национальное своеобразие вербальной коммуникации находит выражение в наличии специфических признаков (партикуляризмов), которые могут отражать как лингвистические, так и экстралингвистические факты. Поскольку лексика и фразеология больше, чем какая-либо другая область языка, связаны с внеязыковой реальностью, а на формирование национальных признаков может непосредственно влиять своеобразный способ восприятия и моделирования «картины мира» носителями разных языков или разных национальных вариантов одного и того же языка, то становится ясно, что именно лексические и фразеологические единицы ярче и чаще других лингвистических единиц передают эти признаки. Подавляющее большинство лексических единиц бельгийского национального варианта французского языка – это единицы общефранцузского словарного фонда. Естественное развитие языка обусловило и тот факт, что французский язык Бельгии имеет лексические единицы, являющиеся архаизмами для французского языка Франции.

Взаимное влияние экстра- и интралингвистических факторов приводит к семантическим изменениям, а эволюция общефранцузских языковых средств воплощается

в универсальных языковых процессах: семантической дивергенции, расширении/ сужении значения, развитии дополнительных смыслов и коннотаций, формировании словообразовательных дублетов, а также в тропических механизмах языка и идиоматизации. Обращение к единицам общефранцузского основного словарного фонда выявляет яркие примеры развития значений. Сочетание псевдоархаичных и инновационных черт в целом придает особую национальную специфику французскому языку Бельгии и его лексическому уровню, в частности. Национальный менталитет, особенности национального мировидения бельгийцев, а также естественное развитие языка как средства коммуникации обусловливают также формирование и развитие специфических тематических пластов и образование культурно-значимой лексики.

Статус французского языка на территории Бельгии вызывает неуклонный интерес, особенно среди франкоязычных филологов. Одни считают, что тот язык, на котором говорят и пишут бельгийцы – нормативный французский язык с некоторым количеством специфических слов (Bruneau Ch. *Le français en Belgique. Vie et Langage*. P., 1952, № 3; Piron M. *Petite géographie des langages belges*. *Vie et Langage*. P., 1953, № 20), другие – разные виды варианта французского языка (Cohen G. *Le parler belge. Vie et Langage*. P., 1954, № 21; Maquet A. *En écoutant parler le Liégeois moyen. Vie et Langage*. P., 1953, № 21). В частности, М. Лефевр замечает, что «если французы считают, что в Бельгии не говорят на нормативном французском языке, то, видимо, потому, что у бельгийцев имеются свои понятия о «норме» (Лефевр, с.45). По мнению Б. Винд, в синтаксисе французского языка в Бельгии не меньше расхождений с национальной французской нормой, чем в лексике и фонетике (Wind B. H. *De quelques curiosités syntaxiques propres au français belge. Néophilologus*, P., 1947, № 31, p. 161).

Постоянный контакт французского языка в Бельгии с фламандским и немецким языками, а также с валлонским диалектом, обуславливает ряд его особенностей на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях (*Quiévreux L. Flandricismes, wallonismes et expressions impropres dans la langue française. Bruxelles, 1928*). Большое количество заимствований обусловлено также практикой авторов фламандского и валлонского происхождения, писавших на французском языке, например, таких писателей начала XX века, как К. Лемоннье и Э. Верхарн. Большинство французов считают, что бельгийский вариант французского языка стилистически окрашен, причем оригинальный характер языка обусловлен, прежде всего, культурно-историческими особенностями развития страны (*Burniaux R., Frickx R. La littérature belge d'expression française. Р., 1973*).

Французский язык в Бельгии имеет отличия на всех уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом, при этом данная система отличий не тождественна другим вариантам французского языка, однако расхождения носят разрозненный характер и не охватывают всю систему языка, взятую в целом, что также подтверждает вывод о том, что язык в Бельгии – это национальный вариант французского языка. «... Признание французского языка в Бельгии вариантом общефранцузского национального языка является с точки зрения социолингвистики – закономерным» (Лефевр, 74).

На современном этапе французский язык в Бельгии на лексико-семантическом уровне характеризуется наличием ряда специфических черт: присутствие диалектизмов (валлонизмов, лотарингизмов, пикардизмов), архаизмов, заимствования из нидерландского и фламандского языков (фландринизмы).

Диалектизмы:

La drache (сильный внезапный дождь), французские аналоги – l'averse, l'ondée. Бельгийский глагол dracher соответствует французскому обороту pleuvoir à verse.

Les boujous de la chaise (перекладины стульев) – пикардизм, соответствует французскому словосочетанию les barreaux de la chaise.

Fade (ленивый) – пикардизм, французский аналог – paresseux.

La roustiquette (разогретые остатки картофеля) – лотарингизм. Французский эквивалент – les pommes de terre réchauffées pour le repas du soir.

Amitieux (дружелюбный, ласковый) – валлонизм. Французские эквиваленты – affectueux, caressant, doux, aimant, cajoleur.

Taiseux (молчаливый, неразговорчивый). Французская форма taciturne, помимо этого значения, имеет и переносное значение «меланхоличный, печальный».

Фландринизмы:

La dringuelle (чаевые) – образовано от нидерландского слова «drinkgeld», французские эквиваленты – pourboire, gratification. Слово часто употребляется в разговорном языке.

Blinquer (сверкать) (нидерл.). Французские эквиваленты – luire, briller, polir, astiquer.

Бельгицизмы – это, в первую очередь, специфические слова, выражения и различные конструкции, свойственные речи бельгийцев и малоизвестные жителям Франции. Можно

отнести неологизмы, архаизмы, регионализмы, диалектизмы, которые могут использоваться как в авторской речи в литературных произведениях, так и в диалогах для речевой характеристики героев (Реферовская, сс. 84-85). Однако при конкретном анализе бельгицизмов встречается ряд сложностей. Например, слово «*kermesse*» сами французы считают бельгицизмом, однако оно широко употребляется на территории Франции. Насколько правомерно отнести его к специфически бельгийским словам? Однако слова «*kermesse*» или «*hôtel de ville*» традиционно рассматриваются как бельгицизмы, так как они отражают особенности жизни и мышления бельгийцев.

К лексике, которую затруднительно оценить однозначно, можно отнести: неологизмы, общие для языка Франции и Бельгии; варианты слов, различающиеся лишь, например, родом; диалектизмы, употребляемые также в диалектах и говорах Франции. Особо сложна проблема дополнительных стилистических оттенков.

М. Лефевр, вслед за Г. В. Степановым, дает следующее определение бельгицизму: «К бельгицизмам можно отнести любой элемент бельгийского варианта французского языка, который исторически или в данном синхронном срезе обладает рядом признаков соотносительного или несоотносительного различия по отношению к общефранцузскому языку на соответствующем социальном уровне» (Лефевр, 77).

Если в начале XX века бельгицизмы употребляли еще спорадически, то в связи с укреплением бельгийской государственности, возможность стилистически маркированного использования бельгицизмов возрастает. В современном языке СМИ и художественной литературы использование бельгицизмов вместо соответствующих

общефранцузских слов выступает как прием функционально выделяющий соответственный текст. Например, анализируя номер газеты «Le Soir» от 14 июня 1978 г., М. Лефевром было найдено 87 бельгицизмов (например, *femme à journée*, *école communale*, *septante*, *barmaid*, *mortuaire*). Наибольшее количество бельгицизмов в газетных объявлениях и в рекламе. Все бельгицизмы можно распределить между несколькими типами: Тип «А» - бельгицизмы, признанные лингвистами и зарегистрированные бельгийскими словарями; «Б» - архаизмы французского языка, не являющиеся таковыми в бельгийском варианте; «В» - регионализмы, рассматриваемые в отношении «язык-диалект»; «Г» - неологизмы, а также окказионализмы; «Д» - арготизмы, фамильяризмы бельгийского варианта французского языка.

Бельгицизмы, относящиеся с точки зрения общефранцузского литературного языка к архаизмам (тип «Б»), казалось бы, должны быть использованы в стилистических целях. Однако, как показывает анализ, с точки зрения бельгийского варианта французского языка эти слова архаизмами не являются, поэтому слова употребляются без особых стилистических коннотаций. Таким образом, в бельгийском варианте подобные слова неправомерно рассматривать как архаизмы, они являются архаизмами относительно французского языка Франции. Некоторые слова, относящиеся к этому типу, могут быть причислены к историзмам, например, *cabaret*, *eustache*. Бельгицизмы типа «В» (регионализмы) следует рассматривать в отношении «язык-диалект», с точки зрения французского языка Франции эти слова относятся к регионализмам, причем некоторые слова употребляются не только в бельгийском ареале, но и в некоторых других регионах франкоязычных государств. Можно рассматривать эти слова как бельгицизмы двойного подчинения а) на

уровне вариантов языка; б) на уровне языка и диалектов Франции. Причем в бельгийском варианте анализируемые слова не имеют стилистических коннотаций, т.е. сюда не входит лексика, связанная отношением «бельгийский вариант – бельгийские диалекты». В тип «Г» входят бельгицизмы-неологизмы, окказионализмы и авторские употребления. Этот слой общенационального языка или его вариантов не полностью стабилизировался. К тому же, достаточно трудно однозначно отнести слово к неологизмам или окказионализмам, так как одно не исключает другого. Также трудно понять, в чем существенное различие ряда свободных словосочетаний в бельгийском и метропольном вариантах, например, *risque de mort* – *danger de mort*, *affaire de détail* – *affaire courante*. В Бельгии, особенно в разговорном языке, широко используются формы женского рода для слов, обозначающих традиционно мужские профессии. Последний тип «Д» составлен из арготизмов и фамильяризмов. Этот слой лексики составляет в каждом языке его наиболее специализированную и национально-окрашенную часть лексики. Например, *bucher* – «корпеть». Во французских словарях имеет помету «фамильярное», а в бельгийском варианте употребляется гораздо шире и без особых стилистических коннотаций.

Некоторые лексемы, не отличающиеся от французских слов ни по семантике, ни по грамматико-синтаксическим особенностям, имеют ряд графических отличий, что позволяет причислить их к графическим (термин Е. А. Реферовской) бельгицизмам. Например, *remerciément* (фр. *remerciement*), *roide* (фр. *raide*).

На морфологическом уровне значительную роль в образовании бельгицизма играет аффиксация. Например, некоторые слова образованы при помощи суффиксов, которые считаются архаичными в современном французском

языке: слово «aulnelle (f)» образовано при помощи суффикса –elle, который был распространен в старофранцузском языке.

На синтаксическом уровне также наблюдается ряд различий. Так, немаркированным местом для французского прилагательного является постпозиция, в бельгийском варианте препозиция прилагательного распространена гораздо шире, причем в большинстве случаев это не ведет к семантическим изменениям (*un homme prorgre* – *un prorgre homme*). По всей видимости, мы сталкиваемся с влиянием нидерландского языка, где прилагательное нормативно стоит перед существительным. Препозиция также характерна и для валлонского диалекта. Предпочтение в использовании этой позиции прилагательного восходит к вульгарной латыни. Германское влияние помогло закрепить эту тенденцию. Препозитивное положение прилагательного характерно также для северных областей Франции, где исторически жили бельгийские племена. В белго-романских диалектах (Валлония) не только прилагательные, но и причастия, играющие роль определений, всегда ставятся перед существительным (Grevisse, p. 432). Различия наблюдаются и относительно места употребления местоимений (безударное местоимение – дополнение). С самого начала его формирования во французском языке безударные местоимения являются проклитиками и, за исключением повелительного наклонения, всегда предшествуют глаголу. Однако, вплоть до XVII века, если за глаголом следовал инфинитив, к которому относилось местоимение, то оно ставилось впереди обеих глагольных форм. С XVII в., за исключением некоторых функционально вспомогательных глаголов (р. ex. *faire*, *venir*, *envoyer*), местоимение – дополнение помещается между глаголами. Однако подобную конструкцию (местоимение – дополнение перед двумя глаголами) по-прежнему можно услышать в бельгийском

варианте, а особенно в различных диалектах Брюсселя и Льежской Валлонии.

Адвербиальные местоимения также употребляются дифференцированно в двух вариантах. В языке бельгийских писателей по-прежнему сохраняется старая форма, которая существовала во французском варианте до XVI века, когда местоимения *en* и *u* помещались перед глаголом, сопровождаемым инфинитивом, тогда как в метропольном варианте адвербиальные местоимения ставятся между глаголом и беспредложным инфинитивом.

Наблюдаются различия в использовании отрицания, в частности, более частое, чем во Франции, опускание одного из элементов отрицательной конструкции (Pohl, p. 139). Эту особенность отчасти можно объяснить тем, что нидерландский язык выражает отрижение единственным словом «*niet*».

В частности, М. Лефевр выделяет различные виды предложений, синтаксическая структура которых отклоняется от нормативного французского синтаксиса, а также ряд особенностей морфологического порядка, связанных с употреблением времен, определенного и частичного артикла, безличных глаголов, предлогов и т. д. (Лефевр, 166). При анализе бельгийских романов может иногда показаться, что бельгийские авторы «плохо пишут», поэтому необходимо провести границу между «плохо пишут» и «иначе пишут», что предполагает наличие локального единства, или местной нормы. Можно указать на ряд признанных многими авторами грамматических бельгиций: возвратные формы глаголов (*se demeurer*); использование ряда местоименных глаголов без частицы «*se*» (*coucher, promener*); обороты и конструкции типа *aimer de + infinitif*; нормативная препозиция

прилагательного, местоименное дополнение перед глаголом, управляющим инфинитивом. Наиболее частотные отклонения в системе глагола, характерные для бельгийского ареала, можно видеть в выражении идеи возвратности, в особенности безличных конструкций, в управлении глаголов. В старофранцузском языке ряд глаголов, ныне не возвратных, употреблялся с частицей *se*. А в бельгийском варианте местоименная форма ряда глаголов сохранилась. В использовании предлогов оказывается значительное влияние фламандского языка. В частности, известно употребление предлога «*dans*» в значении, соответствующем значению фламандского предлога «*in*», не случайно он достаточно часто используется в тех случаях, когда метропольный вариант требует употребления предлогов «*pendant; en*».

Предлог «*sur*» в некоторых случаях используется по аналогии с фламандским предлогом «*or*», обладающим очень широкой семантикой. Передача временных отношений с помощью предлога «*sur*» была известна и старофранцузскому языку. Своеобразие употребления предлогов «*dans*» и «*sur*» особенно ярко проявляется в разговорном языке Брюсселя.

В бельгийском варианте французского языка предлог «*à*» используется для обозначения отношения принадлежности, тогда как в метропольном варианте такое использование считается архаизмом.

К бельгийским предлогам следует отнести «*en destination*», данная форма отсутствует в метропольном варианте, где используется предлог «*à destination*». Близко к указанному явлению находится и смешение в ряде случаев предлогов «*à*» и «*de*». Например, вместо французского оборота «*loin de*» в бельгийском варианте используется конструкция «*loin à*».

Бельгийский вариант французского языка, так же как и юг Франции, Лотарингии и Льежской Валлонии, сохранил положение возвратной частицы перед глаголом в личной форме, а не перед инфинитивом (Remacle, p. 261). В бельгийском варианте французского языка абсолютно нормативно употребление безличной конструкции без местоимения 3-го лица, что представляет собой архаичный факт для французского языка Франции.

На своеобразие использования некоторых времен в бельгийском варианте французского языка оказал фламандский язык, например, в бельгийском варианте гораздо чаще используется настоящее время со значением будущего, чем в метропольном варианте. Использование настоящего времени (*présent*) в плане прошедшего (*passé composé, imparfait*) встречается реже, это явление распространено в языке жителей Гента и Брюсселя, говорящих по-французски (Beardsmore H. B., p.170).

4. ФРАНКОФОНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ШВЕЙЦАРСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

4.1 Особенности сосуществования контаминированных ареалов Швейцарии

Известно, что языки Швейцарии не единородны. На ее территории сосуществуют две лингвогруппы – германская и романская. Последняя включает в себя три языка: французский, итальянский, ретороманский. Языки Швейцарии можно определить как «единоустремленные» (Якобсон, 1985). В пользу этой дефиниции свидетельствуют разнообразные источники, используемые в данной работе для анализа лексико-семантических и стилистических уровней, в первую очередь, французского языка –

художественная литература, региональные тексты, словари, лингвистические карты.

Интерес к проблемам, связанным с внешней вариативностью французского языка, определяется тем обстоятельством, что это его крупнейший маргинальный ареал, в котором проживает более 1% всех франкоговорящих жителей нашей планеты. Кроме того, современная лингвистика (и не только она) проявляет большой интерес к проблеме межкультурной коммуникации. А французский язык представляет собой чрезвычайно интересный и богатый материал для социолингвистических исследований: не многие языки мира имеют такое разнообразие лингвистических ситуаций. Следует подчеркнуть, что французское государство не является образцом толерантности в вопросах сохранения языковой идентичности своих национальностей (всего их около 3 млн. чел.). Даже крупные этнические группы (бретонцы, эльзасцы, лотарингцы, корсиканцы) с трудом реализуют свое право на культурно-языковую автономию, не имея возможности получить на родном языке хотя бы школьное образование. Эльзасский германист Ф. Гартвег (Hartweg F.G.) в этой связи отмечает, что «эльзасец в современной Франции оказывается «лингвоущербным» и находится в условиях асимметричной диглоссии, в которой один компонент – французский язык – обнаруживает свой экспансионистский характер, а другой – унаследованный диалект – «загнан в оборону», хотя для многих все еще остается первичным языком, в рамках которого происходит и опыт социализации личности» (Домашнев, с.5-6). Похожая ситуация сложилась в США с их этно-национальной доктриной «плавильного котла», где признается один официальный язык – американский вариант английского, хотя национальные меньшинства в США весьма многочисленны и во многих местах проживают компактно. Программы двуязычного обучения, допускаемые в отдельных штатах, имеют целью

как можно быстрее обучить детей английскому и побудить их отказаться от родного языка в пользу государственного (Ситрин, 1991).

Говоря в этом аспекте о культурно-языковой судьбе цивилизованных этносов, следует подчеркнуть, что Европа представляет собой многоязычный регион, где титульные нации представлены развитыми литературными языками, выполняющими обширные общественные функции. Наряду с этим здесь присутствуют языки с так называемым «подавленным статусом». Они используются в семейном и общем общинном общении, но при этом продолжают играть важную роль в плане этнической самоидентификации. Важно подчеркнуть, что речь не идет только о диалектах (фарерском – в Дании, фризском – в Нидерландах и на севере Германии, алеманском – в Эльзасе, мозельско-франкском – в Лотарингии и др.). Опасность нависает над небольшими государствами континента. С дальнейшим расширением Европейского союза повседневная жизнь значительного числа европейцев продолжится в традиционных формах, и можно предположить, что многие из них так и останутся монолингвами. Напомним, в этой связи, что языковые войны происходили и происходят в Европе постоянно. «Лингвоколлизии» между франкофонами и фламандцами в Бельгии, которые продолжаются (с небольшими перерывами) более 30 лет, уже поставили под угрозу само существование этого государства. Пример обратного свойства – Швейцария, где в аналогичной ситуации состоялся цивилизованный «развод» жителей кантона Берн. В его северо-западной части был образован новый, франкоязычный кантон Юра (26-ой по счету). Добавим сюда, что это решение было найдено на фоне остройшего политического кризиса, когда, по некоторым данным, в состояние повышенной готовности были приведены федеральные войска (Домашнев, с.28).

Языковые зоны Швейцарии не являются собой неподвижных в языковом отношении гомогенных единиц. Значительные группы носителей данного языка постоянно проживают на территории иноязычных кантонов. По данным статиздания «EuroperegionalsurveysoftheWorld» за 2006 год, в столичном кантоне Берн зарегистрировано более 700000 носителей немецкого языка, около 130000 – французского, почти 40000 – итальянского. Подобное соотношение представителей различных языковых общин в пределах одного кантона инициирует процесс образования или распада зон двуязычия, который всегда перманентен, но не обязательно благостен. Не везде конституированное равноправие языков находит на практике свое адекватное воплощение. Так, в Валлисе (франкоязычный кантон Вале), где проживает немецкоязычное меньшинство и где законодательно введено равноправие языков, представитель немецкоязычной общины обязан говорить в кантональном Собрании только по-французски. В кантоне Фрибург, две трети населения которого говорит на французском и одна треть – на немецком, также официально сохраняется французский язык. В то же время район Билль столичного кантона Берн, несмотря на преобладание там носителей немецкого языка, объявлен зоной двуязычия. Германский лингвист Б. Беш находит последнее решение неудачным. По его мнению, «ситуация конституированного билингвизма обычно приводит к функциональному свертыванию одного из языков, характерной чертой которого оказывается «статичность, подтачиваемая явлениями флюктуации языковой системы, вследствие деструктивной активности контактирующего (в данном случае – французского) языка»» (Домашнев, с.27).

Тем не менее, достаточно стабильная языковая ситуация в альпийской республике, где языковая гетерогенность не привела к выделению германской лингводоминанты (а носителей немецкого языка там более

70%), свидетельствует в пользу отказа от попыток создать в ЕС жесткую лингвистическую институализацию. Впрочем, упомянутый выше Б.Беш и здесь высказывает «диссидентскую» точку зрения, заявляя, что воздержался бы рекомендовать швейцарское решение языковых проблем в качестве образцового, считая, что швейцарский вариант «в слишком большой мере является делом самой истории Швейцарии» (там же, с.28).

Феномен многоязычия (или двуязычия как наиболее распространенной его формы) существует в разных «комплектациях». Различают двуязычие индивидуальное и двуязычие территориальное. Первое определяют как «двуязычие путем наложения», второе — как «двуязычие путем соположения» (Брозович, с.2). В случае с индивидуальным двуязычием оба языка употребляются на одной территории, но в разных функциях. Выбор языка зависит от сферы общения. Индивидуальное двуязычие может быть сплошным (распространяться на всю страну), или ограниченным. Примером сплошного многоязычия является Люксембург, ограниченного — ряд регионов Франции. Территориальное многоязычие возможно в границах одной страны, там, где есть области, каждая со своим языком, который выполняет все мыслимые функции. Граждане такого государства могут не «включать» такой мощный культурный ресурс как многоязычие. Они обладают свободой выбора: их не заставляют пользоваться вторым языком. Примером страны территориального многоязычия является Швейцарская конфедерация, где более чем один язык (каждый в своем ареале) является государственным. При этом ни один из них не выбран единственным или главным для представления страны за рубежом или как язык-посредник для внутринационального общения (Домашнев, с. 24).

К дилеммам: родной язык/неродной язык, средство бытового общения/средство официального общения

(государственный язык) можно добавить еще одну: единственный язык/не единственный язык. В этой связи выделяют шесть типов языковых ситуаций, характерных для франкоязычных стран.

Родной язык — французский (единственный); официальный — французский (единственный). Для франкоязычных государств этот тип образует пустое множество: нет ни одной страны с однородной языковой ситуацией. Интересно, что отечественные лингвисты, обследовавшие 153 государства, нашли лишь 6, которые можно определить как одноязычные — всего 4% (Вахтин, Головко, с.4).

Родной язык — французский (не единственный); официальный — французский (единственный). В группу франкоязычных стран с такой языковой ситуацией входят, помимо самой Франции, французские заморские департаменты.

Родной язык — французский (не единственный); официальный — французский (не единственный). Такая ситуация характерна для территориального многоязычия: в отдельных регионах единого государства используются разные языки, и все они в масштабе страны признаются официальными. Этот феномен наблюдается, помимо Швейцарии, также в Бельгии и в Канаде. Швейцария — наиболее интересный пример этой лингвистической ситуации. Здесь присутствует трехъязычие или даже (если добавить ретороманский) четырехъязычие. Фактически же в Швейцарии распространено тройное одноязычие. В каждом из двадцати шести кантонов — свой язык, который является и родным, и официальным (административным языком кантона). Страна разделена жесткими лингвистическими границами на три части с немецким, французским и итальянским языками. По статданным издания «EuroperegionalsurveysoftheWorld» за 2006 год, на 31 декабря 2004 года в Швейцарии проживало 7418400 человек, в том

числе 72,5 % немцев, 21% французов, 4,3% итальянцев и 0,6% ретороманцев. Некоторые кантоны конституированы как двухязычные, но и в них лингвистическая граница жестко обозначена. Французский язык функционирует в шести кантонах страны (рис.2).

Рис.2. Лингвистическая карта Швейцарии
Langues 1990

Язык	Кантон
Французский (Français)	VD, GE, FR, VS, NE, JU
Немецкий (Allemand)	SH, BS, BL, AG, ZH, LU, OW, NW, UR, SG, GL, TI, GR, AR, AI
Итальянский (Italien)	TI
Рхето-романский (Rheto-romanche)	GR, TI

Многослойность языковой ситуации в Швейцарии приводит к необходимости усложнить работу государственного аппарата. Поэтому совместное использование государственных языков – немецкого, французского и итальянского – допускается только в центральных учреждениях Конфедерации.

Родной язык — французский, официальный — не французский. Такая языковая ситуация характерна для небольших групп франкоязычного населения, оказавшихся за

пределами французского государства. В Европе к таким территориям относятся альпийские долины в Италии.

Родной язык — не французский; официальный — французский (единственный). Такая лингвистическая ситуация сложилась в государствах бывшей Французской Экваториальной Африки (бывших колониальных владений Франции).

Родной язык — не французский; официальный — французский (не единственный). Эта ситуация свойственна двум карликовым европейским государствам (сопредельным с Францией) — Люксембургу и Андорре, а также ряду бывших островных французских колоний в Океании и на Карибах (Гак, 1994).

Возвращаясь к лингвистической карте Швейцарии, подчеркнем, что это не только демонстрация лингвогеографического спектра, но и социолингвистическая характеристика причин и условий формирования единой области контактных ареалов. Несмотря на несоразмерные «удельные веса», все четыре национальных языка выступают как лингвистический кондоминиум, где важнейшую роль играют взаимовлияния между разными языками на различных уровнях. Наибольший интерес представляет лексика как наиболее подвижный состав языка, которая нагляднее всего раскрывает механизм интерференции контактирующих ареалов.

4.2. Интенсивность лингвистических интерференций в швейцарском языковом союзе и их направления

Лингвистические интерференции, которые во многом формируют национальные варианты языка, часто классифицируют с помощью различных «стратов» — субстратов, суперстратов, адстратов. Под субстратом (лат. *substratum* — буквально «подостланное» от *sub* — под, *stratum* — слой, пласт) понимают совокупность черт языковой

системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории (ЛЭС, с.497). По определению Б.А. Серебренникова субстрат – это «язык, побежденный другим языком в результате их взаимодействия и борьбы в пределах единой территории» (Серебренников, с. 7-25). В результате местная языковая традиция обрывается, народ переключается на традицию другого языка, но в новом языке проявляются черты языка исчезнувшего.

Под суперстратом (лат. *super* – над, *stratum* – слой, пласт) понимают совокупность черт языковой системы, также не выводимых из внутренних законов развития языка, но объясняемых как результат растворения в данном языке пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением (ЛЭС, с.499). Это влияние нового языка на язык коренного населения в результате завоевания и культурной гегемонии пришлого этнического меньшинства, которому не хватило критической массы для ассимиляции туземцев. В этом случае местная языковая традиция не обрывается, но в ней ощущаются (в разной степени и на разных уровнях) иноязычные влияния.

Под адстратом (от лат. *ad* – при, около и *stratum* – слой, пласт) понимают совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контактов народов, говорящих на этих языках. Адстраты, в отличие от субстратов и суперстратов, обозначают нейтральный тип языкового взаимодействия, при котором не происходит этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом. Адстратные явления образуют прослойку между двумя самостоятельными языками (ЛЭС, с.19).

В XVII веке в Европе, а с XVIII века – в России, существовала мода на все французское, в том числе – на язык. Однако государственным французский язык стал

далеко не у всех. В Швейцарии этот редкий лингвистический прецедент более связан не с культурологическими пристрастиями местной элиты, а с историческими причинами. Одна из них заключалась в том, что в Средние века на небольшой территории швейцарских кантонов проживало немногочисленное население, которое говорило на нескольких диалектах. В условиях феодальной раздробленности перспектива создания единой лингвистической нормы была проблематичной. Авторитет же французского языка всегда был высок и устойчив. Язык западного соседа позволял жителям приграничных с Францией регионов в короткий исторический срок приобщиться к великой культуре и европейской политике. Свою роль сыграла диалектная близость сопредельных франкопровансальского и швейцарского ареалов, что обеспечивало интенсивные лингвистические интерференции между ними. Следствием стал вышеобозначенный феномен, а также то обстоятельство, что кантональные разновидности франкошвейцарского национального варианта обнаруживают меньше отличий от языка метрополии, нежели региональные варианты языка немецкой Швейцарии – от центральногерманской литературной нормы.

Кроме того, в швейцарских кантонах распространен не Hochdeutsch (литературный немецкий язык), а маргинальный Schweizerhochdeutsch (германошвейцарский литературный язык), который функционально ограничен областью письменного применения. Разговорно-обыходным языком широких слоев населения является Schwyzerdütsch – макросистема (или обобщенный вид алеманнского диалекта), включающая в себя около 20 территориальных поддиалектов (Домашнев, с.29). Уникальность этого национально детерминированного характера строения языка, обслуживающего германошвейцарскую речевую общность, предопределена самобытностью лингвистического статуса диалектного уровня, представленного в немецких кантонах

алеманской субстанцией. За исключением базельского региона, представленного нижнеалеманским диалектом, немецкоязычную Швейцарию обслуживает верхнеалеманский диалект. Таким образом, язык германошвейцарцев (первый по распространению в этой стране) приобрел в альпийской республике наибольшую индивидуальность и оказался «маргинальнее» франкошвейцарского. Сегодня в немецких кантонах активно изучают французский язык (в отличие от французской Швейцарии, где, по свидетельству П. Кнехта, такого же интереса к языку соседей не наблюдается (Knecht, 131)).

Как отмечалось, в *Schwyzerdütsch* выделяют двадцать поддиалектов с соответствующей кантональной закрепленностью: *Baseldeutsch*, *Berndeutsch*, *Zürichdeutsch* и др. По своим лингвистическим характеристикам выделенные поддиалекты не представляют собой полного единства. Практически каждый из них включает в себя несколько частных разновидностей. Так, например, цюрихско-немецкий и люцернско-немецкий обнаруживают пять внутрикантональных подвариантов. При этом их локальные различия не затрагивают общих элементов структуры, а касаются деталей. В этой сложной макросистеме органично слиты общие языковые элементы и местные особенности каждой из диалектных микросистем. Наиболее существенными являются различия фонетического, а также морфологического свойства (Брозович, с.16).

В целом, общность основных элементов диалектной субстанции *Schwyzerdütsch* доминирует над ее отдельными дифференцированными чертами, и по этой причине заметные сбои в процессах коммуникации практически отсутствовали. Взаимопонимание между носителями различных швейцарских поддиалектов происходило беспрепятственно. Это исключало необходимость выработки переходных, сближающих языковых форм, что было

характерно для обиходно-разговорного языка (*Umgangssprache*) центральногерманского ареала.

Вторым по значению в романской группе и третьим языком Швейцарии по распространению (около 320 тысяч человек по состоянию на конец 2004 года) является итальянский язык. Структура его распространения в швейцарских границах включает в себя следующие стратификационные компоненты: местные диалекты, надрегиональный диалект, региональный (тессинский) обиходно-разговорный итальянский язык, литературный итальянский язык в его национальном (швейцарском) колорите.

Итальянская Швейцария (*Svizzera Italiana*) представлена кантоном Тичино и четырьмя районами кантона Граубюнден (*Grigioni Italiano*): Моезано, Каланка, Поскьяво и Брегалья. На этой территории проживают также носители других языков и диалектов, численность которых медленно, но неуклонно растет (в 1880 году на итальянском языке говорили 98,9 % жителей Тичино, в 1930 — 93,3%, в 1960 — 88,2 %, в 1981 — 85,6%). Хотя статус итальянского языка как одного из государственных языков Швейцарии строго соблюдается, но в повседневной жизни италошвейцарцам обойтись без знания других языков бывает сложнее, чем их германо- и франкоговорящим согражданам. Более ста лет (вплоть до 1996 года) кантон Тичино боролся за открытие своего университета (*Universita della Svizzera Italiana*), подобного немецким университетам в Цюрихе и Базеле и французскому – в Невшателе.

Следует вновь подчеркнуть, что специфика лингвистических интерференций на территории Швейцарии всегда отличалась равноправием и толерантностью. Здесь никогда не существовало проблемы национальных меньшинств; напротив, швейцарская государственность конституировалась на почве уже сложившихся лингвокультурных общностей и постфактум юридически

оформляла их. В альпийской республике были немыслимы ситуации, подобные тому, что произошло с бретонским языком во Франции (почти исчезнувшим, вследствие незаинтересованности государства в его сохранении), или с каталонским, подвергшимся гонениям в Испании. Швейцарцы, напротив, явили миру лингвистический «хэппи-энд», связанный с воскрешением ретороманского языка, который итальянские лингвисты на протяжении полувека объявляли вымершим. Этот самый архаичный из языков романской группы был в 1938 году объявлен четвертым национальным языком республики. Характерный факт: родным его считают 42 тысячи жителей альпийских высокогорных плато, тогда как на референдуме «за» ответили 572129 граждан Швейцарии и всего 52267 – «против».

Данный акт имел большие лингвистические последствия: появились двуязычные (германо- и итальяно-ретороманские) словари, разработаны грамматики, публикуются литературные тексты, открываются отделения ретороманского языка в ВУЗах, растет интерес к ретороманскому в соседних странах. Материалы ретороманского языка все чаще вводятся в научный обиход языкоznания. Если ретороманский не имеет для Швейцарии того значения, как другие языки, то в научном отношении факт культивирования этого языка, его сохранения и фиксации современного состояния открывает широкие возможности не только для романского, но и для общего языкоznания. Языковеды черпают из этого архаичного языкового ареала интереснейшие материалы. Отметим такой тезаурус ретороманской культуры как словарь Андреа Шорта. Для диалектологов и лингвогеографов ценным материалом является AIS (Atlas Italo-Suisse), авторы которого включили в сетку исследования всю территорию распространения ретороманского языка (западный – граубюнденский, центральный – Доломиты, восточный –

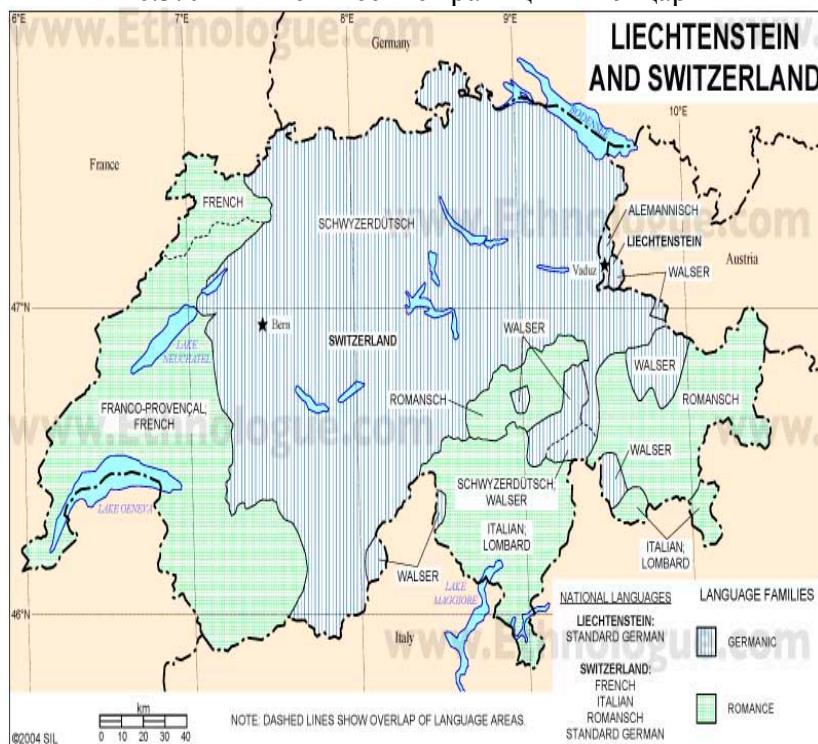
фриульский ареалы). Эти два источника, словарь и атлас, дают возможность вскрыть глубинные слои древней истории ретороманского языка, провести стратиграфическое обследование ареала распространения, выявить реальные взаимоотношения в субстратном и начальном периодах его становления, и, тем самым, уточнить положение ретороманского в группе романских языков (Бородина, с.13).

Языковая ситуация, сложившаяся в ретороманской части Швейцарии, достаточно сложна. В этом регионе сталкиваются две тенденции: стремление к овладению престижным немецким литературным языком и стремление сохранить автономию местных ретороманских диалектов ретороманского литературного языка. Нельзя не заметить, что сохранение самобытности ретороманского языка сопряжено с преодолением ряда препятствий. К таковым, в частности, относится отсутствие единой нормы, поскольку ретороманский практически реализуется в виде вариантов. В этой связи представители лингвистических кругов направляют усилия на искусственную реконструкцию надтерриториального (единого в пределах ретороманской Швейцарии) литературного языка «RumantschGrischun», который бы отвечал коммуникативным потребностям данной этнолингвистической общности.

Зоной распространения французского языка является западная часть Швейцарии (кантоны Во, Женева, Невшатель, Вале, Фрибург, Бернская Юра). Этот язык является вторым по численности носителей и по территориальному охвату в стране. Местный литературный французский язык (далее мы будем определять его как франкошвейцарский национальный вариант) окончательно утвердился в середине XIX столетия, сменив в качестве средства делового и официального общения провансальский диалект. В своей литературной форме он в основном соответствует нормам, регламентируемым Французской академией, а наблюдающиеся различия оцениваются как незначительные.

Франкошвейцарской норме может быть противопоставлен язык, используемый в повседневном общении, который допускает значительные отступления от литературного стандарта (*Umgangssprache*). Это обстоятельство позволяет полагать, что существует особый региональный вариант франкошвейцарского языка. Лингвисты уточняют, что этот региональный вариант – не континuum, на одном полюсе которого находится литературный стандарт, а на другом – диалект, но скорее – сам литературный язык в состоянии интерференции с местным диалектом (Вышенский, с. 96-97). Региональный франкошвейцарский обслуживает преимущественно городское население, а в сельской местности он выступает как вспомогательный при общении носителей множества разнящихся между собой мелких говоров – патуа, которые являются своеобразными реликтами былой франко-провансальской общности. Исключение составляют лишь зона Юры и примыкающая к ней незначительная по размерам часть территории Невшателя, говоры которых являются продолжением диалекта франш-конте на территории Швейцарии. Граница между французскими и франко-провансальскими говорами проходит по городу Ла-Шо-до-Фон перпендикулярно государственной границе (рис.3).

Рис.3. Лингвистические границы Швейцарии

Есть, однако, и другие факторы, в частности, экстраглавицкие. Швейцарский лингвист Э. Шюле (Schüle, 1971), соглашаясь с тем, что «...большое количество слов и выражений, характеризующих французский язык Швейцарии, перешли в него из патуа», добавляет, что этого факта «...недостаточно, чтобы объяснить все особенности нашего французского языка. В действительности мы находим в нем и другие, отличающиеся от стандартного французского языка элементы; это, в частности, – термины официального кантонального и федерального языка, отражающие ту очевидную действительность, что мы живем не во Франции, а в другом государстве и что наша администрация – это не администрация Парижа».

Кроме того, существует проблема германского влияния, поскольку две чужеродные языковые общности – французская и немецкая – объединены в рамках одного государства. В частности, на немецком издаются законы, и ведется официальная документация с последующим переводом на другие языки Швейцарии, в том числе – на французский. В переведенных текстах ощущается, следовательно, иноязычный отпечаток. В этой связи швейцарские лингвисты говорят о «федеральном французском языке» (*le français fédéral*), как его принято называть в специальной литературе (Knecht, с.3). Образцом такого языка является текст швейцарской конституции (*Constitution fédérale de la Confédération suisse*, 1999).

Что касается стремления остальных швейцарцев знать французский язык, то это связано также с поиском высокооплачиваемой и престижной работы. Большое количество «белых воротничков» во Французской Швейцарии – выходцы из немецких кантонов.

В целом языковая ситуация в альпийской республике характеризуется следующими параметрами. Единственный центральный ареал среди национальных языков Швейцарии составляет самый малочисленный из них – ретороманский (при этом граубюнденский ретороманский является единственным исконно местным языком). Другие национальные языки представлены маргинальными ареалами: немецкий – южным, французский – восточным, итальянский – северным. Несмотря на то, что эти ареалы в исторической ретроспективе обособлены в одинаковой степени (в течение более 300 лет они отделены от своих центральных ареалов государственными границами), в них присутствует ряд дифференциальных черт. Сказалось влияние других факторов: физико-географических (отсутствие в самом южном, тессинском кантоне препятствий в общении с итальянским соседями) и лингвистических (единство франко-провансальского

диалекта). Последний, хотя и функционирует в трех государствах – Франции, Швейцарии и Италии, но проявляет удивительную лингвистическую «живучесть», продолжая сохранять свою самостоятельность и цельность.

Главной отличительной особенностью лингвистических интерференций, происходящих в швейцарском языковом союзе, является феномен непрерывных и тесных контактов между четырьмя национальными языками страны. Помимо лексических воздействий, это взаимовлияние с разной интенсивностью проявляется на всех уровнях языка – фонетическом, морфологическом, синтаксическом и даже стилистическом. Контактность последних двух уровней, в частности, сказывается на языке ретороманских писателей (и на развитии ретороманской литературы в целом). В целом, интерференции с другими языками ярче всего проявляются в ретороманском, наиболее слабом звене швейцарского языкового союза. При этом элементы иноязычной речи не засорили ретороманский язык, а органически вошли в него и лексически обогатили.

Если суммировать, на каком же языке реально говорят в Швейцарии, то картина получается следующей. В сельских местностях – на диалекте своего родного языка. В городах – на литературном языке (письменном и/или устном, в которых могут встречаться совершенно особые явления, швейцаризмы или гельветизмы). В официальной обстановке – на любом из литературных языков.

Известная оторванность от основного ареала и высокая степень контактности характеризует французский язык Швейцарии, который имеет незначительные отклонения от центральнофранцузской литературной нормы. Германошвейцарскому литературному языку свойственна большая индивидуальность, что обусловлено более широким представительством местных диалектных особенностей. В то же время как разговорно-обиходный язык французский

существенно отличается от литературной нормы, поскольку в нем представлены многочисленные диалекты и некоторые регионализмы.

В заключение можно констатировать, что лингвистические интерференции в швейцарском языковом союзе с наивысшей интенсивностью происходят (за исключением ретороманского языка) на диалектном уровне и в разговорно-обиходной речи. Что касается письменных литературных вариантов, то при исследовании текстов, в которых представлены все национальные языки Швейцарии, впечатления о наличии интенсивных интерференций на этом уровне не создается.

4.3 Лингвокультурологическая экспансия в Швейцарии: франкороманский вектор

Своеобразие языковой ситуации в современной Швейцарии определяется природно-ландшафтной спецификой и историческими коллизиями, связанными с тем, что эта страна занимает промежуточное положение между германским и романским миром. Сложившаяся в этих условиях этническая и лингвистическая общность испытывает на себе непосредственное влияние с обеих сторон.

Швейцария [(Sweiz (герм.), Suisse (франц.), Svizzera (ит.), Switzerland (ретором.))] получила свое название по имени одного из трех первых независимых (лесных) кантонов – Швиц (Schwyz). Ее лингвоэтническая карта всегда была чрезвычайно пестра. С одной стороны, по ее территории проходят удобные транспортные коммуникации между Апеннинами и остальной Европой (реки Рейн и Рона, альпийские перевалы). С другой – высокогорные плато альпийской республики представляют собой естественный

географический инкубатор для сохранения и длительной консервации исчезающих языков и этнокультур.

Первые письменные источники о жителях Швейцарии относятся ко 2 в. н.э. Большую часть Швейцарского плоскогорья – от Женевского до Боденского озера – занимало в этот период кельтское племя гельветов (по имени которых страна называлась Гельвецией). На юго-востоке проживали племена ретов (СИЭ, т. 16, с. 158-163). О языке гельветов, внесшем определенный вклад в формирование будущих швейцарских диалектов, известно немногое: он был сходен с кельтским языком Галлии, а определенные дифференциальные черты были обусловлены тесными контактами с германскими племенами (гельветы имели колонии в Германии).

В I-III вв. н.э. древняя Гельвеция входила в состав Римского государства и подверглась тотальной романизации. При римлянах на ее территорию проникло христианство. Латинский язык сравнительно быстро вытеснил бесписьменный язык автохтонного населения, не сумевшего устоять перед мощным натиском языка римской администрации, государственного аппарата, школ и т.п. По свидетельству историков (Gilliard, 1974; Dubochet, 1825; Zschokke, 1823; UlrichImHof, 1974) Гельвеция романизовалась быстро, широко распространились римская культура, христианство и язык победителей; для этого потребовалось меньше четырех столетий. Кельтские села превратились в цветущие города. Особенно много городов было в западной (ныне французской) части страны: Arenticum (Avanches), Viticus (Verey), Lausonium (Lausanne), Min-modunum (Moudon), Urbe (Orbe), Ebrodunum (Yverdon) и др. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что в период единства indoевропейской семьи языков кельтский язык входил в одну группу с итальянскими. Их размежевание произошло позднее, как было установлено исследователями (Meillet, 1922 с. 31-39; Доза, 1956, с.17).

Следует отметить, что территория Гельвеции была меньше территории современной Швейцарии: туда не входила Женева – город аллоброгов; северная и восточная часть страны также не были колонизированы римлянами: здесь находились всего два города – Solodurum (Soloturn), Tobinium (Zoffingue) (Ван Мюйден, с. 27).

Лингвисты по-разному подходят к проблеме влияния кельтского субстрата на формирование говоров Французской Швейцарии, так как в распоряжении современной науки немного сведений о численных пропорциях туземного населения и римских колонов, расселившихся по стране. Однако установлено, что четвертая часть современных говоров Французской Швейцарии представляет собой, по выражению Л.Гоша, «partie irréductible», аналогии для которой можно искать в современных кельтских языках – бретонском, ирландском и др. (Gauchat, с. 3-24). Оставшиеся три четверти словарного состава говоров имеют романскую этимологию. Таким образом, к моменту нашествия германских племен романская Гельвеция говорила на народной латыни, сильно окрашенной кельтизмами. Эта латынь имела свои территориальные разновидности, которые впоследствии сыграли известную роль в формировании многочисленных романских говоров.

IV век ознаменовался вторжением варваров: алеманов – в восточные, бургундов – в западные, остготов – в юго-восточные области Швейцарии. Но, в отличие от алеманов, бургундам и остготам не удалось утвердить германское влияние: западная и юго-восточная части Швейцарии остались романскими по языку и культуре (СИЭ, т. 16, с. 158-163). Территория Реции и долины Тичино, отделенные от остальной части страны Альпами, избежали нашествия германских племен и сохранили романские языки. В настоящее время в этих областях говорят на ретороманском и итальянском языках (Бородина, с.13). В общих чертах к V-VI вв. на территории современной Швейцарии сложилось то

языковое соотношение, которое наблюдается в настоящее время.

В V веке вся территория современной Швейцарии вошла в состав Франкского государства. Для западных кантонов Швейцарии это обстоятельство имело важные лингвистические последствия. Во-первых, в течение своего трехсотлетнего господства франки (подобно монголам) не оказывали серьезного давления на религию, язык и культуру покоренных народов. Их владычество, по мнению историка В.Мартена (Martin, с. 14), было скорее полицейским и фискальным. Более того, сами франки попали под влияние более высокой римской культуры, приняли язык покоренных галлов и гельветов и вслед за ними также романизировались. Во-вторых, в ходе бурных феодально-династических перипетий 843-933 гг., Западная Швейцария (вместе с французскими провинциями Прованс, Дофине, Лионне, Франш-конте) вошла в состав государства Аrelat (или Второго Бургундского королевства).

С этого времени прослеживается общность истории Франции и франкоязычной Швейцарии, которая определяется также как Галлоромания. В тот период в континууме Галлоромании определенно выступают три основные языковые группы (в свою очередь дробящиеся на ряд диалектов): северная – французский язык (*langued'oil*), южная - провансальский язык (*langued'oc*) и восточная, – определяемая Г. Асколи как франкопровансальская. Патуа франкопровансальской группы были распространены во всех франкоязычных кантонах Швейцарии за исключением Бернской Юры, говоры которой принадлежат к языковой группе Франш-конте (графство Бургундия: с 1678 г. – в составе Франции).

В 1032-34 гг. (ко времени перехода большей части территории Аrelata, в том числе – Швейцарии, под юрисдикцию «Священной Римской Империи»), страна в политическом отношении представляла собой с десяток

полусамостоятельных графств, теократических сеньорий, аристократических республик, ведущих свое начало со времен Карла Великого (СИЭ, т. 16, с. 158-163). Связи с Францией становятся менее тесными, и с этого времени на юго-восточной окраине Галлоромании (включая западные области Швейцарии) французский язык эволюционирует своим путем. Влиятельными графами были епископы Сионские; небольшую, но важную территорию держал под контролем монастырь Ромэнмотье (Romainmotier). Современный кантон Юра входил в состав земель епископа Базельского, одного из крупнейших феодалов. Относительно самостоятельным было графство Невшатель. Епископ Женевский был признан суверенным владельцем города с королевскими прерогативами (1124 г.). Епископ Лозаннский владел самой Лозанной, Аваншем, областью Люсан, территорией Лаво. Крупными лендлордами были аббаты Пейерна и Лютри. Влиятельной фамилией на территории будущей Французской Швейцарии были в XIII веке графы Савойские. Еще в XII веке они владели Нижним Вале и землями около Женевского озера. Затем их влияние распространяется на земли Во. В середине XIII века они устанавливают свою власть даже над Берном. Таким образом, в XIII веке над многими землями Французской Швейцарии фактически властвует Савоя (будущая провинция Франции).

Однако, несмотря на формальную принадлежность к государству Габсбургов, жителям этих областей удалось отстоять свою лингвистическую традицию. Произошло это во многом благодаря позиции бургундцев – самого могущественного и многочисленного дворянства габсбургской Галлоромании, которые в силу своих политических амбиций были ярыми противниками германского влияния. Именно военно-дипломатическая экспансия Габсбургов вовлекла швейцарцев в общеевропейскую политику и военные конфликты, где в

едином строю выступали (независимо от языка и вероисповедания) жители всех кантонов. В этих исторических коллизиях выкристаллизовывалась религиозная терпимость и лингвоэтническая толерантность швейцарцев, вызывающая сегодня огромный интерес и всеобщее уважение.

Напомним, что противниками независимости альпийского государства выступали германские и бургундские феодалы, а стратегическим союзником – французская корона. Многочисленные войны высоко подняли военный авторитет швейцарской пехоты, и иноземные государи искали в Швейцарии наемников для своих войск. По понятным причинам наиболее охотно швейцарцы шли во французскую армию. Более того, последние короли из династии Валуа и сменившие их Бурбоны использовали швейцарских воинов как свою лейб-гвардию, расквартированную в столице. Это обстоятельство (наряду с диалектной раздробленностью франкопровансальских говоров, обусловленной географическим фактором – горными плато и долинами) способствовало распространению по всей Швейцарии «парижской версии» языка. В целом, Швейцария рано испытала проникновение французского языка (франсийского диалекта), ставшего символом хорошего воспитания и культуры. Уже с XIII в. французский язык вытесняет латынь из административной сферы. Появление первых документов на французском языке датируется: Бернская Юра – 1244 г., Невшатель – 1251 г., Женева – 1260 г., Фрибург – 1319 г. В этот период лингвистическая ситуация на территории франкоязычной Швейцарии характеризуется диглоссией патуа. Под патуа мы понимаем наименьшую территориальную разновидность языка, используемую в качестве средства общения жителями одного или соседних, обычно сельских, населенных пунктов.

Только в кантоне Вале делопроизводство на латинском языке велось вплоть до XVI в. Став языком администрации и юриспруденции, французский язык постепенно вводится в школьное преподавание. В 1668 г. в Женеве издается приказ о запрещении использовать патуа в образовательных учреждениях.

Отметим, что на исходе Средневековья и в начале Новой истории Швейцарию «накрыли» две мощнейшие волны французской лингвокультурологической экспансии. Первая пришлась на XVI в. и связана с именем француза Жана Кальвина, основателя кальвинизма – западной ветви протестантизма. Став в 1541 г. фактическим диктатором Женевы, он превратил ее в один из центров Реформации. К пользе для протестантских кантонов (Женева, Невшатель, Во) религиозная нетерпимость этого деятеля не получила продолжения (напомним, что при Кальвине инакомыслящих сжигали на кострах). Зато Реформация способствовала распространению и укоренению языка метрополии, который принесли туда тысячи беженцев-гугенотов, которые подверглись религиозным репрессиям во Франции. В других франкоязычных кантонах – Бернской Юре, Фрибурге и Вале католицизм устоял – вместе с традициями диалектной речи. В наши дни патуа (в отличие от регионализмов) сохранились только в католических кантонах.

Вторая волна лингвокультурологической экспансии пришлась на начало Новой истории и была связана с отменой Нантского эдикта Генриха IV, принятого в 1598 году, его внуком Людовиком XIV (1685 г.). Тогда в Швейцарию (а также в Квебек) перебрались уже не тысячи, а десятки тысяч французов со своими семьями. Это событие повлияло не столько на языковую, сколько на хозяйственную ситуацию в стране, так как вторая волна эмиграции состояла не из проповедников и теологов (как первая), а из коммерсантов и мастеровых людей, которые основали новые отрасли промышленности. Литературные и интеллектуальные связи

Французской Швейцарии и Франции в эту эпоху очень интенсивны. Женевеца Ж.-Ж. Руссо известен как выдающийся французский просветитель, лозанец Б. Констан де Ребек – как известный французский писатель и публицист. Вольтер долгое время находится в Ферне, на швейцарской границе. В окрестностях Женевы проживает семья барона Неккера. Глава семьи – либеральный министр финансов Людовика XVI; его дочь, известная под именем мадам де Сталь – первая диссидентка наполеоновской Франции. Швейцарии.

При образовании Гельветической республики (1798 г.) немецкий и французский языки были объявлены равноправными. Однако в 1803 г., когда Гельветическая республика перестала существовать, официальным государственным языком стал немецкий. Впервые правовое положение швейцарского многоязычия было закреплено конституцией 1848 г., в которой национальными языками Швейцарского союза были признаны немецкий, французский и итальянский.

Французская Швейцария является родиной педагогов, ученых, писателей, педагогов с мировым именем. Достаточно назвать имена Ж.Ж. Руссо, Б. Констана, К.Ф. Рамю, Ф. де Соссюра, Л. Гоша и многих других. Франкоязычные интеллектуалы поддерживают высокий престиж французского литературного языка, испытывая тяготение к культуре метрополии. Но как оценивать франкошвейцарскую литературу? Можно ли рассматривать ее в общем русле французской литературы? Наш ответ состоит в признании того факта, что своеобразие литературы Французской Швейцарии складывалось постепенно и базируется на социально-исторических особенностях швейцарской жизни.

Так, во второй половине XIX в. литература франкошвейцарских кантонов, отрезанная в силу своей верности протестантским традициям от влияния Франции, являла собой образец провинциальной ограниченности. Конец XIX

и первое десятилетие XX века также не были ознаменованы появлением значительных произведений. Ф. Годе, П. Сайпель, Э. Рода, Г. Фромель, Ф. Монье отличаются абстрактностью и тезисностью (Большаков, 376-402).

В 1905-1910 гг. наступает период литературного ренессанса. Выходят романы Ш. Ф. Рамю, Р. де Траза, стихи А. Шписса, Э. Жийара, драмы М. Моракса, появление которых вызвало во Франции интерес к так называемым «региональным» франкоязычным литературам. Основная заслуга принадлежит крупнейшему писателю Французской Швейцарии Шарлю Фердинанду Рамю (1878-1947), который совершил попытку вывести литературу страны на магистраль европейской культуры, сделать ее художественно самостоятельной, оторвать от кантональной ограниченности и камерности. В своих сочинениях, представленных в двадцатитомном собрании, Ш.Ф. Рамю, следя реалистическому направлению, поднимает вопросы высокого общественного звучания. Его проза проникнута идеями гуманизма и человеческой солидарности.

Ценным вкладом в развитие франкошвейцарской литературы XX века стали произведения Ж.Ш. Шеневьера, Г. де Пурталеса, Ж.М. Марто и Э. Бюензо. Интерес вызывает проза Л. Боппа, Ш.Р. Ландри, У. Церматтена, Ж. Меркантона (Gsteiger, р. 409-545).

Следует отметить одну интересную особенность франкошвейцарской литературы. Еще со времени опустошительной Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.), в которой Швейцария не участвовала, в стране зарождается идея государственного нейтралитета, юридически закрепленная в XIX веке. Поэтому военная проблематика отражена в ее литературе слабо. В какой-то мере швейцарская литература стояла в стороне от основных социально-общественных потрясений, волновавших Европу во второй половине XX века. Большинство современных франкоязычных писателей Швейцарии интересуются

морально-этическими проблемами: психологией и внутренний миром личности, семейной жизнью, природой. Следует подчеркнуть преобладание во франкоязычной литературе Швейцарии традиционных классических форм; модернистские течения не получили здесь широкого распространения, и основным направлением остается реализм. Присутствует значительная группа прозаиков, занимающихся описанием характерных особенностей местного уклада (Jacques Chessex «Portrait des vaudois», Maurice Chappaz «Portrait des valaisans»). Отношение же парижских интеллектуалов к «региональным» писателям за редким исключением продолжает оставаться скептическим («Il faut deux fois plus de talent pour être un grand écrivain suisse») (Monnier, с. 2).

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее. Западные области современной Швейцарии подверглись двум мощным лингвокультурологическим экспансиям. Вначале (в первом тысячелетии нашей эры) состоялся процесс тотальной романизации, промежуточным итогом которой стала франко-провансальская традиция. Затем (во второй половине прошлого тысячелетия) прошел (или еще продолжается?) процесс «францизации», нивелирующий эту локальную традицию.

Добавим также, что борьба с германским языковым влиянием составляет неотъемлемую часть истории французского языка в Швейцарии. Некоторые исследователи в этой связи отмечают, что немецкое давление на Французскую Швейцарию отнюдь не прекратилось. По их версии «мирная германизация» восточных областей Французской Швейцарии происходит в форме интенсивной миграции немецкоязычного населения в район Бернской Юры и другие кантоны в связи с ростом промышленности и необходимостью притока рабочей силы (Доза, с. 213; Gauchat, с. 261). Справедливости ради подчеркнем, что подобные суждения имели место в канун Первой Мировой

войны, когда французская элита находилась в плену самой примитивной тевтонофобии.

Французская Швейцария входит сегодня в романоязычную зону наряду с итальянской (кантон Тичино и южная часть Граубюндана) и ретороманской (кантон Граубюнден) частями. Эта группа языков противопоставлена германской доминирующей зоне (*Schwyzerdütsch*) (Бородина, с.7-33). В результате сложной лингвистической стратификации, особого субстратного слоя и интерференции с другими языками, каждый из вышеназванных языков приобрел специфические черты – «гельвецизмы».

На французском языке в Швейцарии говорят в так называемой *Suisse Romande* (калька по образцу *Suisse Allemande*), состоящей из шести кантонов: Во (Vaud), Вале (Valais), Фрибург (Fribourg), Женева (Genève), Невшатель (Neuchâtel), Бернская Юра (Jura Bernois). Кантоны Фрибург и Вале являются двуязычными (франко-немецкими) с доминирующим франкоязычным населением. Литературный язык франкошвейцарцев выступает в качестве национального варианта французского литературного языка. Что касается диалектной речи, то во французской части Швейцарии, в отличие от остальных лингвистических зон, диалект употребляется значительно реже (всего 2% франкошвейцарцев еще говорят на патуа).

Материалом для нашего исследования франкошвейцарского языка в его письменной и устной разновидностях послужили сочинения авторов XX века: Жоржа Альда, Николя Бувье, Иветт Зрагген, Албера Коэна, Шарля Фердинанда Рамю, Сильвиан Рош, Гюстава Ру, Мориса Шаппа, Жака Шессе и других. Исследовались также журнально-газетные публикации, тексты официальных документов, опросы информантов из Швейцарии и Франции. В целом, литературный французский язык Швейцарии испытывает постоянное тяготение к языку метрополии, одним из проявлений которого являются лингвистические

пуристические тенденции (исследование велось методом сплошной выборки, после чего лексические единицы проверялись по словарям (Depecker, 1988; Dictionnaire universel francophone, 1997; GPSR; Grand dictionnaire encyclopédique Larousse, 1984; Hadaček, 1983; Lingvo, 2007, Robert, 2000; Thibault, Knecht, 2004; TLF; Гак, Ганшина, 2004; Гак, 2005; Ганшина, 1957; Щерба, Матусевич, Воронцова, 2004)).

Влияние гельвецизмов не ограничивается заимствованием лексических единиц или изменением их семантики. Оно проявляется также в словообразовании, нетипичном для центральнофранцузского ареала распространения языка. Обычно словообразовательные инновации не столь заметны и связаны с активизацией словообразовательных типов и моделей, образующих производные слова для новых реалий. В этом случае происходит стабилизация заимствований в семантическом отношении, и на первый план выдвигаются словообразовательные механизмы, осваивающие новые лексические элементы в деривационном отношении, т.е. при входлении их во французские словообразовательно-морфологические парадигмы. Иногда интенсивные лексические и словообразовательные процессы могут накладываться друг на друга, пересекаться и происходить в одно и то же время.

Менталитет жителей франкоязычных кантонов и его влияние на процессы межэтнической интеграции в альпийской республике наиболее рельефно проявляются в лингвистическом аспекте. Многие словарные единицы существуют как в языке метрополии, так и в швейцарском варианте французского языка, но используются в разных значениях. В таком случае речь идет о семантических дивергентах – единицах языка, которые, имея одинаковую форму, отличаются своим смысловым содержанием. Например, слово «*la cantine*» означает «столовая» во

французском языке метрополии, а во французском языке Швейцарии с помощью данного слова обозначается палатка для уличных праздников. В этой связи были изучены механизмы внутренних процессов развития языка, в результате которых слово получает новое значение. Слово «des contemporains/contemporaines» имеет во французском языке Швейцарии иное значение, чем во Франции. В языке метрополии оно обозначает «современники», а в швейцарском варианте французского языка – «одногодки» (*personnes nées la même année, se regroupant souvent en sociétés ou en amicale pour se livrer à différentes activités*). Данное значение считается устаревшим во французском языке метрополии (TLF).

Ex: «Si je n'avais pas rôdé ce soir-là, je n'eusse pas fait cette rencontre ni ruminé sur ma mère entre les bras de sa contemporaine» (CYJ, c110); «Le lundi j'ai le parti: assemblée et trois décis. Le mardi j'ai le conseil. Le mercredi les 08. Les contemporains, les vieux copains...» (CPV, c. 143);

«Oh les sociétés de contemporains! Leurs cagnottes pleines à craquer, leurs soirées littéraires et récréatives...oh leurs voyages compacts à Majorique ou aux Borromées, le récit des nuitées dans les hôtels de première classe où les hardis faisaient leur cirque et buvaient des bouteilles sous les orangers verts et lauriers en fleurs! Et les contemporaines en baby-doll courant et bondissant dans les couloirs du Grand Hôtel de Capri!» (CPV, c. 141). Новое значение появилось в результате смещения значения. Этот тип семантической эволюции можно представить с помощью следующей формулы: $Abcd \rightarrow aBcd \rightarrow abCd \rightarrow abcD$, где выделенные буквы указывают на приоритетную сему.

Среди семантических модификаций, происходящих во французском языке Швейцарии, можно отметить следующие разновидности:

- сужение значения

«Tout avait commencé à la cathédrale, au cours de la cérémonie des Promotions qui marque le passage de centaines de garçons et de filles du collège secondaire au gymnase» (CO, c. 127).

В данном примере стоит отметить употребление слова «les promotions», которым во французском языке Швейцарии называют церемонию, которая проходит в конце каждого учебного года. На ней школьникам вручают сертификаты и грамоты. Это слово используется только в кантонах Во, Женева, Бернская Юра и Невшатель. Во французском языке метрополии это слово обозначает прием абитуриентов в высшие школы, а также так называют студентов, поступивших в одном и том же году (*nous sommes de la même promotion*). Данная церемония имеет протестантские корни и наблюдается в кантоне Женева с 1562 года, а в кантоне Невшатель с 1664 (Pierrehumbert, 1926). Интересно, что в некоторых коммунах кантона Во она до сих пор проходит в протестантских храмах, хотя и не сопровождается службой (*Encyclopédie illustrée du Pays de Vaud*, т.10, с. 59-60). В кантоне Женева церемония вручения сертификатов проходила в церкви до 1907 года; в кантоне Невшатель эта традиция была отменена в начале XX века только в самом городе Невшатель, а в остальных коммунах она существует до сих пор. Таким образом, в швейцарском национальном варианте французского языка произошло сужение значения слова «les promotions». Сужение значения предполагает, что исходное значение выступает как родовое, а измененное — как одно из составляющих его видовых. В современной

лингвистической литературе чаще употребляется термин «специализация», поскольку он точнее передает то, что происходит с исходным объемом понятия. Процесс сужения значения можно представить с помощью следующей формулы: A → Ab, где A – родовое понятие, а b – одно из видовых.

Полотенце во франкоязычной Швейцарии называют словом «un linge» («pièce de tissu éponge ou de toile, le plus souvent rectangulaire, servant à s'essuyer, à se frotter après la toilette, la baignade» (DSR, c.491)): «Elle n'osa pas revenir pour demander une serviette, également oubliée. Un linge-éponge de la salle de bains en tint lieu» (CBS, c. 830). Это слово также имеет второе значение – тряпка: pièce de tissu en coton ou en fil, de forme rectangulaire, le plus souvent à carreaux, servant à essuyer la vaisselle. Существительное «un linge» произошло от прилагательного «linge», имевшего значение «льняной». Во французском языке метрополии это слово имеет более общий смысл: оно обозначает любой кусок хлопчатобумажной, льняной и другой материи, использующийся в хозяйстве: linge fin, linge de maison (банные полотенца, столовое белье, постельное белье, кухонные полотенца и тряпки), а также linge de corps (нижнее белье). Во французском языке Швейцарии в результате семантической эволюции произошло сужение значения данного слова. В Бельгии существует слово «essuye», которое используется в тех же двух значениях, что и слово «linge» в Швейцарии: «essuye de bains» (полотенце) и «essuye de cuisine» (тряпка). Эквивалентами этих двух значений слова «un linge» во французском языке метрополии можно считать слова «serviette» для первого и «torchon» для второго.

- расширение значения

Словосочетание «la chambre de bains» часто встречается в произведениях швейцарских авторов: «Ah ces réveils, l'atroce migraine, la gueule pâteuse – j'avais presque toujours bu la veille – la chambre de bains inconnue aux odeurs fétides, la fausse familiarité de la lavette et de la brosse à dents de la dame, les quatre aspirines (quand il y en avait) dans la cuillère nescafé tiedasse...» (CC, c. 33-34).

Интересен обмен мнениями между хозяйкой и служанкой в книге Альбера Коэна (Albert Cohen) «La belle du seigneur».

Хозяйка объясняет: «Chambre de bains, c'est du mauvais français. Les personnes instruites disent salle de bains, je te l'ai dit plusieurs fois déjà» (CBS, c. 146). Позже, служанка говорит: «Il y avait deux chambres de bains, elle dit qu'on dit salle de bains, moi je dis chambre parce que c'est une chambre, une salle c'est quand c'est grand» (CBS, c.698).

Это словосочетание помечено как устаревшее в словаре «Dictionnaire Suisse Romand». Оно встречается также в Квебеке (Boulanger, 1992). Само слово «chambre» в швейцарском варианте французского языка имеет более широкое значение, чем в языке метрополии. Здесь оно обозначает любую комнату, за исключением кухни, холла, ванной и туалета, то есть является эквивалентом слова «salle». Такое значение является архаизмом для французского языка метрополии.

- метафорический перенос

Глагол «bringuer» имеет во французском языке Швейцарии пять различных значений, два из которых находим в книге «Portrait des Vaudois»:

«– On prend encore trois?

– En vitesse, j'ai mon gouvernement qui bringue»
(CPV, c.77).

В этой фразе данный глагол означает «придираться, ворчать, ссориться». Интересно, что словом «gouvernement» говорящий называет свою жену.

Во фразе «Tout le monde sait qu'ils bringuent avec leur servante et qu'ils se tapent la cloche derrière leurs murs» (CPV, c.99) глагол «bringuer» можно перевести как «развиваться, забавляться». Кроме указанных выше, данный глагол также имеет значения «утомлять однообразными разговорами»; «докучать кому-либо»; «даром терять время». Он известен во Франции в значении «гулять, кутить», но в основном используется в разговорной речи. Однокоренное существительное – слово «une bringue» часто встречается в произведениях франкошвейцарских авторов. Ex. : «Timidement, au bout d'une heure, la femme du pasteur téléphona aux gendarmes. Vite, vite, père et fils payèrent mille francs... pour éviter bringue et procès» (CPV, c.36). В данном контексте слово «une bringue» обозначает «спор, ссора, проблемы». В том же значении это слово используется в следующей фразе: «La politique, l'argent, le collège, c'est rien que des bringues, des histoires, tout le monde dépose plainte contre tout le monde, on se déteste, on se fait des coups tordus, on se soûle à mort. Le directeur mène le bal, son copain le notaire fait la cupesse, ah oui je vous dis que Bex rend fou» (CPV, c.170). В следующей фразе слово «une bringue» имеет значение «надоевшая, однообразная песня» (chanson ou air trop souvent répétés qui agacent par leur monotonie (DSR, c.179)): «Nous, on s'est mis à chanter aussi, alouette, la claire fontaine, les bringues de service militaire, et aussi quelques

cochonneries que les types du coin entonnaient tandis que les bonnes femmes hurlaient de rire» (CPV, c.183).

- метонимический перенос

Словом «une pinte» швейцарцы называют кафе, небольшой бар (*café, bistrot offrant des boissons alcoolisées mais aussi une restauration simple et bon marché; débit de boisson (éventuellement dans une auberge, un hôtel)*) (DSR, c.573). Это слово в основном употребляется в кантонах Во и Невшатель, в то время как в кантоне Женева оно встречается очень редко. Оно является швейцарским семантическим дивергентом. Данное значение было образовано путем метонимического переноса.

Метонимия представляет собой один из видов тропов – семантических преобразований языковых единиц, которые в определенном контексте трансформируют их значение путем установления отношения адекватности с единицами из другой предметной области. Метонимия (от греческого *metonymia* – «переименование») состоит в переносе названия с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, принадлежности, партитивности или иному виду контакта. В данном случае от значения «*mesure de capacité; vase ayant cette capacité; son contenu*» (куружка, пинта), известного во Франции, появилось значение «бар», то есть место, где можно выпить кружку пива. Интересно, что в северных землях Германии, никак не связанных со Швейцарией, имел место тот же процесс: существует слово «*die Pinte*», обозначающее небольшой бар. По данным Kluge, это значение появилось благодаря вывескам таверн в форме кружки (Kluge, 2002). Скорее всего, в XV века это слово было заимствовано французским языком из немецкого в своем первом, прямом значении, а

затем процесс формирования переносного значения пошел параллельно в двух языках. В XIX веке во французском языке метрополии существовало выражение «une Grand'Pinte», обозначавшее пригород Парижа, в котором находились популярные питейные заведения. От слова «une pinte» были образованы слова «pinteur» (завсегдатай бара), «pintocher» (часто посещать бары, много пить), «pintier/ère» (хозяин/хозяйка бара). В слове «pintocher» следует обратить внимание на пейоративный суффикс «-oche», придающий глаголу отрицательную коннотацию. Примерами употребления слова «une pinte» служат фразы «Le général était Vaudois, son portrait est dans toutes les pintes avec la petite armoire à tabac, l'horaire des cars postaux et le cheval blanc de Rössli (marque de cigarettes) (CPV, c.74) и «...et chaque samedi sa femme dirige l'après-midi de couture où il se boit plus de thé qu'en une année dans n'importe quelle pinte du canton» (CPV, c.122).

Среди словообразовательных особенностей франкошвейцарского национального варианта отметим наиболее продуктивные типы, такие как «основа глагола + суффикс -ée» (crachée, épécalée, gonflée, engeulée, salée,) и «основа глагола + суффикс -age» (alpage, encavage). Например, крик, оклик передается в национальном варианте французского языка с помощью слова «une huchée» (un long cri servant entre autres à héler, à interpeller à distance, en particulier à la montagne (DSR, c.455)). Это слово в основном встречается в литературных произведениях франкошвейцарских авторов. Ex.: «Une trompette d'enfant signalait la fin des explosions. Or un ouvrier se trouva juste sous un haut mélèze qui trembla, qui frémît un instant. Nos cris, nos furieuses huchées, son regard...» (CCGD, c. 27). Оно образовано от глагола «hucher», имеющего значение «звать в полный голос, кричать», который очень распространен в швейцарской литературе.

P.ex.:

Et que le Baptiste et Christophe et François

Et tous les hôtes de vérité

Se lèveront de terre

Et hucheront l'hymne d'amour (CVDG, c. 113).

Это слово является диалектизмом (DSR, с. 457) и впервые было использовано в 1906 году.

Как в свое время литературно-письменный французский язык вытеснил из письменной сферы общения латинский язык, так на современном этапе народно-разговорная и литературно-разговорная формы французского языка почти полностью заменили собой диалекты в бытовой сфере общения. Вытеснение диалектов и замещение их разговорными формами французского языка, тем не менее, не означало полной нивелировки общефранцузского языка на территориальном уровне. Дело в том, что параллельно тенденции к унификации здесь наблюдается тенденция к новой территориальной дифференциации. В результате воздействия на французский язык со стороны исчезающих диалектов и разговорных форм самого французского языка и, наконец, вследствие общих тенденций к варьированию в настоящее время во французском языке складываются так называемые региональные варианты французской речи (региолекты).

Сегодня слово «une huchée» употребляется также в регионах Франш-Конте и От-Прованс, а также встречается во французских словарях с пометой «устаревшее».

Интерес представляет использование в швейцарском варианте французского языка отлагольных прилагательных

там, где в языке метрополии употребляется причастие прошедшего времени: *enfle* (вместо *enflé*), *trempe* (вместо *trempé*), *gonfle* (вместо *gonflé*) и *arrête* (вместо *arrêté*).

Что касается внешних источников расширения словарного состава, то в основе этого явления лежит то обстоятельство, что Швейцарская конфедерация как государство и как многонациональный союз развивалась в исторических условиях многоязычия, и этот процесс (за изъятием немногочисленных экзессов) традиционно отличался толерантностью.

Как уже отмечалось, основным источником заимствований для французского языка Швейцарии является корпус лексических единиц германошвейцарского варианта. И здесь уместны два замечания. Во-первых, эти заимствования нельзя интерпретировать как «улицу с односторонним движением». Напротив, имеет место непрерывная конвергенция и взаимообогащение обоих национальных вариантов. Во-вторых, процесс расширения этих языков набрал свою динамику и имеет немалый потенциал. Среди швейцарцев в ходу специальный термин - «röstigraben», которым обозначают случаи непонимания между жителями этих двух основных этнических общин страны.

Другим источником пополнения словарного состава франкошвейцарского варианта является калькирование с немецкого языка Германии: место парковки («place de parc» - от сложного слова «Parkplatz»; во французском языке метрополии используется выражение «place de stationnement individuel», а также более разговорные варианты «parcage» и «parking»), свиная сосиска для жарки («saucisse à rôtir» - от слова «Bratwurst»). Национально-культурное своеобразие лексики может проявляться не только в наличии серий

специфических слов, но и в отсутствии слов для значений, выраженных в других языках. Такие «пробелы», «белые пятна на семантической карте языка», называют лакунами (Степанов, 1965, с. 120). Как и безэквивалентные слова, лакуны заметны только при сопоставлении языков. К примеру, название еще одного специфического швейцарского пирожного – «boule de Berlin» (*gros beignet rond fourré à la gelée, à la confiture ou à la crème pâtissière et enduit de sucre* (DSR, p.158)) – можно найти в книге Катрин Коломб «Châteaux en enfance»: «...les jeunes filles mangeaient des choux et le dimanche pour souper trois boules de Berlin» (CCE, с. 158). И немного ниже: «Ce n'était pas elle qui mangeait les boules de Berlin, c'étaient les autres...» (там же). Именно в этой книге данное словосочетание было употреблено впервые. Оно является переводом немецкого выражения *Berliner Pfannkuchen*, впоследствии сокращенного до *Berliner*. Во французском языке метрополии не существует эквивалента данному выражению. В немецко-французских словарях оно переводится как «*gros beignet fourré*», и в магазинах Франции можно найти пирожные под названием «*beignet fourré*».

В швейцарском варианте французского языка также встречаются заимствования из итальянского: тип кофе эспрессо («*ristrette*» от слова «*ristretto*»; во множественном числе имеет форму «*des ristretti*»). Во Франции такой кофе называется «*un express serré*») и, разумеется, английского языков. Некоторые слова представляют особый интерес как заимствования «второго порядка» (или «опосредованные»). К примеру, «*un trax*». Это слово, означающее вид бульдозера, было заимствовано из швейцарского варианта немецкого языка, в который пришло из американского варианта английского языка как сленговое сокращение слова «*traxavator*» («*traxavator*» – это название торговой марки, которое представляет собой результат слияния слов «*track*,

tractor» и «*excavator*»). Этимология данного заимствования интересна как пример воздействия научно-технического прогресса и экономической глобализации на процесс словообразования. Слово «*un tea-room*» распространено во всех франкоязычных кантонах. Также во французском языке Швейцарии встречается словосочетание «*un salon de thé*», но оно чаще обозначает часть комплекса – гостиницы, аэропорта или музея – а не отдельное кафе. Слово «*un tea-room*» является заимствованием из английского языка. Скорее всего, оно появилось в Швейцарии в XIX веке, когда влияние Великобритании в сфере туризма было особенно высоко. Изначально это слово означало чайный салон в английском стиле, а позднее стало называть небольшое кафе. Оно считается статализмом. Иллюстрацией употребления слова «*un tea-room*» также может служить фраза «*Il y a une vieille parenté entre une certaine montagne et moi. Pas la montagne des traîneuses de piolets et des guides autoritaires aux chaussettes rouges! Mais la montagne où le cœur bat un peu plus fort parce que la pression est montée, où le vin est plus vif, où les yeux sont plus ouverts, les désirs plus rapides, la montagne des hôtels à croisillons et des épiceries-tea-rooms...*

Несмотря на то, что наибольшее число гельвецизмов встречается в разговорной речи, язык художественной литературы также богат локальными элементами. Поэтому в качестве иллюстративного материала использовались произведения швейцарских авторов XX века: Жоржа Альда, Николя Бувье, Ивett Зграгтен, Албера Коэна, Шарля Фердинанда Рамю, Сильвиан Рош, Гюстава Ру, Мориса Шаппа, Жака Шессе и других. При преодолении культурной отсталости возникает болезненное противоречие между традицией и модерном: нужно усвоить новые представления,

ценности, институты, и в то же время сохранить свою идентичность. Язык как важнейший элемент культуры – это не только средство общения, но и инструмент различия «свой – чужой». Поэтому указанные выше сочинения стали литературной основой для описания взаимоотношений франкоговорящих швейцарцев и жителей самой Франции в контексте проблем самоидентификации франкошвейцарского этноса, находящегося под многовековым воздействием великой французской культуры.

Опрос информантов из Романской Швейцарии и Франции подтвердил лексикографические данные, полученные в ходе анализа словарей неологизмов. В первой части анкеты предлагалось слово и его дефиниция, и респонденты отвечали, верна ли она, а также как часто используют или слышат они данное слово. Во второй части анкеты респондентам предлагалось дать свою оценку дефиниции. В ходе опроса информантов подтвердился тот факт, что многие гельвецизмы, которые используются в западных кантонах Швейцарии, употребляются также и в Савойе. Но респондент из Савои сопровождал некоторые слова отметкой «Attention, mot Suisse». Основная же часть респондентов из Франции с предложенной дефиницией не соглашалась и не могла дать «верного» определения словам.

Особое внимание в нашем исследовании уделялось стилистическим особенностям французского языка в Швейцарии, и, в частности, формам выражения экспрессивности. Стилистически окрашенная лексика является наиболее ярким и убедительным способом выражения национального самосознания народа и его эмоциональности. Были проанализированы фразеологические единицы, ряд междометий и конструкций, нехарактерных для французского языка метрополии. Например, междометие «ou bien?» ставится в конце

предложения и служит синонимом «n'est-ce pas?», «oui ou non?». Оно, скорее всего, является переводом немецкого выражения «oder?», которое употребляется в том же смысле. Ex.: «Le tir pour lui comme pour mon père était du sport suisse, non acte de l'agression. Ou bien ? Tirant sur la cible, imaginait-il parfois que c'était un homme qu'il visait?» (ZNJC, c.14). Слово «bon» во французском языке Швейцарии имеет значение «достаточно, довольно» и придает предложению положительную модальность. В словаре DSR его значение описывается следующим образом: «un modalisateur d'énoncé servant à exprimer un jugement favorable sur le contenu de l'énoncé». В таком значении данное слово стало использоваться во франкоязычной Швейцарии в начале XIX века. «... ils touchaient le livre: – C'est combien ? Ils le feuilletaient, il le soupesaient, ils le pressaient, le faisant passer d'une main à l'autre, ah il est lourd, il est bon lourd...oui, je le prends mais vous m'écrirez quelques chose?» (CC, c. 231). Считалось, что оно является германизмом (Guillebert, 1829-1832; Peter, 1842). Но если бы речь шла о кальке с выражения «es ist schön warm», то во французском языке оно бы звучало «il fait beau chaud», а выражения «es ist gut warm», которое можно было бы перевести как «il fait bon chaud», не существует ни в немецком языке, ни в его диалектах. Скорее всего, в Швейцарии сохранилась тенденция французского языка использовать некоторые прилагательные в функции наречия (*grand ouvert, fort aimable, fin prêt*).

Экспрессивность фразеологизмов заключается в их выразительных возможностях: в способности дать исчерпывающую оценку обозначаемым явлениям, в способности выразить выделяющую эти явления характеристику. В качестве примера приведем выражение «payer le lard du chat», которое употребляется только во французском языке Швейцарии и имеет значение «заплатить очень дорого». Выражение «comme que comme» является

синонимом словосочетаний «de toute façon», «quoi qu'il soit» (DSR, c.249). Ex.: «...monsieur le sous-secrétaire général le remarquera bien, comme que comme» (CBS, c.142). Это выражение употребляется все реже и реже, может быть потому, что воспринимается как типично швейцарское. Так, в книге А. Мальро «La Condition Humaine» находим: «...les gars, qui travaillent des quinze, seize heures par jour sans présenter une seule revendication, et qui le feront jusqu'à ce que nous soyons tranquilles, comme que comme... L'expression suisse surprit Kyo». Впервые это выражение было отмечено в 1915 году и почти во всех источниках считается германизмом, переводом слова «sowieso» – «в любом случае». Таким образом, немецкое слово «so» – «так, таким образом» приравнивается к французскому «comme» – «как». Возможно другая версия, представленная в книге Грэвисса «Le bon usage», более правомерна. Грэвисс рассматривает выражение «comme que comme» как вариант конструкции «comme que+ subj» – «таким образом, что...». И тот факт, что выражение «comme que comme» встречается и во Франции в районах Франш-Конте и Савойя, лишь подтверждает это.

В современном французском языке Швейцарии наблюдается феномен формирования новых форм женского рода, нехарактерных для языка метрополии. Норма французского языка не предусматривает наличие женского рода у существительных, называющих традиционно мужские профессии, такие как солдат (*soldat*), полицейский (*policier*), полковник (*colonel*) и прочие. Тем не менее, по данным В.Стели (Stehli, 1949) во франкошвейцарской прессе еще 1944-1947 годов можно было встретить такие формы как *colonnelle* (женщина-полковник), *contremâtre* (женщина-бригадир), *lieutenante* (женщина-лейтенант), *liftière* (лифтерша), *policière* (женщина-полицейский), *soldate* (женщина-солдат), *ingénieure* (женщина-инженер). В. Стели также отмечает, что швейцарцы более терпимо относятся к

новым языковым формам, таким как *agente* (*de circulation*), *ingénierie*, *liftière*, чем французы и бельгийцы.

В 1988 году в Швейцарии был издан указ, согласно которому название каждой должности на немецком, французском и итальянском языках должно сопровождаться эквивалентом в женском роде (*artisan-artisane*, *huissier-huissière*, *contremaître-contremaîtresse*.)

В 1991 году в Женеве был опубликован словарь «Названия профессий, званий и должностей в мужском и женском роде» (*Dictionnaire féminin-masculin des professions, des titres et des fonctions*). Одним из самых цитируемых примеров этого словаря является слово «*cheffe*», которое, несмотря на частую критику, широко используется в швейцарской прессе:

«Tomas Dühler quitte le Bieler Tagblatt, Catherine Duttweiler reprendra le poste de rédactrice en cheffe dès décembre. Dans l'intermédiaire, Theo Martin assurera cette fonction» (*L'Impartial, Canton de Neuchâtel*, 20/12/2004);

«Le courant a passé, hier, entre la conseillère d'Etat Sylvie Perrinjaquet et le corps enseignant de l'Université de Neuchâtel. Et ceci même si la cheffe de l'Education, qui s'exprimait devant une septantaine de professeurs, n'a pas annoncé de bonnes nouvelles» (*Tribune de Genève*, 21/12/2004).

Форма *la cheffe* распространена только в Швейцарии, в Бельгии и Квебеке обычно употребляется «*la chef*»: «Une chef saguenéenne recueille un prestigieux prix» (*radio-canada.ca.*, 20/05/06).

Критические замечания в адрес слова *la cheffe* находим в словаре *Dictionnaire Suisse Romand*: «Mais, est-ce une raison pour transgresser la grammaire? Car les masculins se

terminant par «f» font au féminin «ève»...d'où chef – chèvre. Choisissez entre ce caprin ridicule ou le masculin, mais de grâce épargnez-nous ce «cheffe» indigeste» (Courrier des lecteurs, Le Nouveau Quotidien, 17/1/94).

В словаре «Названия профессий, званий и должностей в мужском и женском роде» находим также следующие формы женского рода: procureure (женщина-прокурор), écrivaine (писательница), pasteur (женщина-пастор) и professeure (преподавательница).

В книге Альбера Коэна (Albert Cohen) «*La belle du seigneur*» также встречаются формы женского рода, нехарактерные для французского языка метрополии, например, слово singesse (*singe-singesse*):

«...mes jambes sont exquises; les autres femmes sont toutes poilues toutes un peu singesses...» (CBS, c. 31);

слово chevalière (chevalier-chevalière):

«...ou bien fonder un ordre pour le révélement de jeunes filles perdues, ça s'appellerait les chevalières de pureté...» (CBS, c. 163)

А также слово «une cheffesse»: «...nous tenions debout en attendant celle qu'entre nous nous appelions la Cheffesse» (CBS, c.16).

В статье «auteur» в словаре «Robert Historique» говорится, что слово «écrivain» не имеет женского рода во французском языке Европы. Ни вариант «auteresse»/ autoresse/ authoresse, ни autrice – более старый и грамматически верный – не используются.

Профессор лингвистики Университета в Невшателе М. Матти (Matthey), отмечает, что «говорить об отсутствии

женского рода, приводя пять форм в пример, нелогично». В словаре «Dictionnaire Suisse Romand» сказано, что форма «une écrivaine» появилась в Швейцарии недавно, поэтому иногда используется словосочетание «femme écrivain» («S.P. une femme écrivain d'origine allemande s'est suicidée samedi dernier» (Tribune de Genève, 15/3/93)).

Во фразе «...en 1945 il écrivait qu'il était tout impressionné de s'adresser à «une écrivaine» osant un néologisme que personne n'utilisait à l'époque» стоит отметить использование слова «une ecrivaine»(ZNJC, c.78).

Немало подобных примеров можно найти в современных СМИ Швейцарии:

Crédit supplémentaire pour l'entrée en fonction de la procureure en chef de l'ONU (site des autorités fédérales de la confédération de Suisse, 30/8/2000).

Le pasteur ou la pasteure sont au service de l'Eglise réformée pour rassembler la communauté chrétienne (www.orientation.ch).

В каждом из кантонов Невшатель, Фрибург, Бернская Юра и Женева существуют свои законы, регулирующие данный аспект. В кантоне Женева закон обязывает использовать женский род наравне с мужским в названиях профессий, должностей и чинов, если позволяют правила французского языка. Названия должны сопровождаться детерминативом в женском роде. В случае если название профессии имеет только женский род, существительное мужского рода образуется по правилам французского языка («homme sage-femme» – акушер).

Законодательство кантона Бернская Юра предусматривает равенство полов при составлении

законодательных, административных и правовых актов. Документы, имеющие конкретного адресата, должны быть составлены с учетом его пола. Если это невозможно, необходимо использовать семантически нейтральные выражения и этимологические дублеты.

По закону Невшателя, при написании официальных текстов, принцип равенства полов должен реализовываться с учетом правил французского языка. По возможности будут использоваться формы обоюдного рода или нейтральные термины. В противном случае будет использоваться общий мужской род. Использование сокращений, объединяющих обе формы, запрещено.

В языковом общении постоянно возможны варианты: в условиях двуязычия в зависимости от ситуации говорящие выбирают тот или иной язык; выбрав язык (или при коммуникации только на одном языке), люди стоят перед выбором того или иного варианта речи: говорить ли на литературном языке или на диалекте, предпочесть книжную форму речи или разговорную, употребить официальный термин или его просторечный синоним. Варианты любого ранга – начиная от конкурирующих языков (как коммуникативных вариантов при многоязычии) до вариантов нормативного произношения – называют социолингвистической переменной; это своего рода единица анализа в тех социолингвистических исследованиях, где социальные аспекты языка понимаются именно как социально обусловленное варьирование языка.

В двухязычном кантоне Фрибург все тексты, изданные администрацией, должны быть составлены с учетом принципа равенства полов. Это относится как к французскому, так и к немецкому языку, с учетом «духа каждого из них» (*Défense de la langue française*, № 211, с.10).

В формулировках возможно использование этимологических дублетов, сокращений или типовых фраз, например «названия должностей, профессий и званий, использованные в данном тексте, относятся к людям обоих полов». В кантонах Во и Вале на сегодняшний день не существует законодательных актов по данному вопросу.

К другим специфическим чертам швейцарского варианта французского языка относится достаточно широкое употребление диалектизмов, локализмов, статализмов и архаизмов. Диалектизмами называются характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературную речь. Например, слово «*un boîton*» обозначает во французском языке Швейцарии «свинаярник». Оно было заимствовано из говора французской Юры. Блюдо, приготовленное из свиного сала, называется в Швейцарии «*des grabons/greubons*». Оно также характерно для региональных вариантов французского языка Соны, Савойи и Ду. Словом «*une cuchaule/cuchôle*» в романской Швейцарии называют круглое пирожное, которое принято есть во время традиционного осеннего фрибургского праздника «*benichon*». Это существительное было заимствовано из фрибургского диалекта.

Под локализмом понимается слово или выражение, употребление которого ограничено одним или несколькими кантонами. Примерами локализмов швейцарского варианта французского языка могут служить:

- числительное «*huitante*» – «восемьдесят», употребимое в кантонах Во, Вале и Фрибург;
- существительное «*une miche*» «круглый хлеб, испеченный на воде, диаметром около 8 сантиметров», которое употребляется только в кантоне Невшатель;

- прилагательное «mollachu» – апатичный, инертный, безынициативный, встречающееся в кантонах Во и Женева.

Швейцария представляет собой государство с древней историей и культурой, особым климатом и своими традициями. Существует целый пласт статализмов, которые отражают реалии западных кантонов альпийской республики и являются лакунами для французского языка метрополии. Примерами статализмов могут служить следующие выражения:

- «une case postale» – абонентский ящик;
- «Conseil fédéral» – орган исполнительной власти Швейцарии;
- «Grand Conseil» – парламент, законодательный орган; «la maturité» – экзамен после окончания средней школы;
- «une haute école» - ВУЗ.

К архаизмам относятся слова, которые не используются в своем первоначальном значении в языке метрополии, но сохраняются в маргинальном ареале. Например, слово «une mitaine» в Романской Швейцарии означает «рукавица, варежка». Оно использовалось в том же значении во французском языке метрополии вплоть до середины XX века. Существительное «une chambre» в швейцарском варианте французского языка имеет более широкое значение, чем в языке метрополии. Здесь оно обозначает любую комнату, за исключением кухни, холла, ванной и туалета. Такое значение является архаизмом для французского языка метрополии. Это касается и словосочетания «chambre de bains». Ужин в Швейцарии продолжают называть «le souper». Данное слово является

архаизмом для французского языка метрополии, в котором употребляется слово «*le dîner*». Существительное «*hoirie*» имеет во французском языке Швейцарии значение «*héritage indivis*». В языке метрополии это слово является архаизмом, и уже в конце XIX века сопровождалось в словарях пометой «устаревшее». Это касается также существительного «*un hoir*» – «прямой наследник». Слово «*un livret*», имеющее значение «таблица умножения» впервые встречается в Романской Швейцарии в 1691 году. Во Франции оно вышло из употребления уже к 1867 году.

Единство франкоязычного мира обеспечивается единством его исторического формирования, а также постоянными контактами между франкоязычными странами и народами. К тому же большое влияние на сплочение франкоязычных стран и народов оказывает интегрирующая деятельность самых различных государственных и общественных организаций национального и международного масштаба.

Кроме того, в современной лингвистике большое внимание уделяется тематике межкультурной коммуникации. А французский язык представляет собой богатый материал для социолингвистических исследований: на его примере можно смоделировать многие языковые состояния. Особенный интерес для аналитика представляет и то обстоятельство, что французский язык в альпийской республике существует в правовых рамках официального многоязычия. Развитие культуры, науки, образования способствует его сохранению. Ведь по мере общественного прогресса возрастает социальная и культурная значимость всех языков: и языков широкого международного общения, и языков, на которых говорит несколько тысяч человек. Поэтому многоязычие все шире распространяется в современном мире.

Проблема будущего французского языка не снята с повестки дня в настоящее время. Тезис о необходимости сохранить «единство в многообразии» как нельзя лучше подходит к функционированию современной фазы французского языка.

Список использованной литературы

1. Аврорин В. А. Двуязычие и школа//Проблемы двуязычия и многоязычия/ Отв. ред. П. А. Азимов. М., 1972.
2. Аксенова Л. А. Бельгия. – М.: Мысль, 1982.
3. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2000.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. - М., 1998.
5. Ахунзянов Э. М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. - Казань, 1978.
6. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М., 2001.
7. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М., 1987.
8. Бородина М.А. Становление и функционирование многоязычия в Швейцарии // Лингвистическая карта Швейцарии. – Л.: 1974.
9. Бородина М. А. Лотарингский диалект французского языка (к вопросу о лингвогеографическом исследовании диалекта): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1962.

10. Будагов Р. А. Понятие о норме литературного языка во Франции XVI – XVIII вв. – ВЯ, 1956, №5.
11. Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. - М., 1985.
12. Будагов Р. А. Язык и культура: хрестоматия в 3 частях. - М., 2001.
13. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. - Киев, 1979.
14. Ван-Мюйден Б. История швейцарского народа. Т. 1-2. – СПб., 1898-1902.
15. Варианты полинациональных литературных языков. – Киев: Наукова думка, 1981.
16. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. - М., 2001.
17. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и pragmatики. - М., 2001.
18. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. - М., 1980.
19. Виноградов В. А. Стратификация нормы, интерференция и обучение языку // Лингвистические основы преподавания языка. М., 1983.
20. Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып.6.
21. Гак В. Г. Введение во французскую филологию. М., 1986.
22. Домашнев А. И. К лингвистической характеристике немецкоязычного ареала Швейцарии // Лингвистическая карта Швейцарии. – Л., 1974.
23. Домашнев А.И. К проблеме языка общения в объединенной Европе // Вопросы языкоznания, №5. – М., 1994.
24. Домашнев А.И. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка // Лингвистические исследования. Структура языка и языковые изменения. – М., 1985.

25. Домашнев А.И. Основные характеристики понятия «национальный вариант литературного языка» // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинёв: Штиинца, 1976.
26. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Л.: Наука, 1983а.
27. Домашнев А.И. Этнолингвистическая характеристика и языковая ситуация в Швейцарии // Романоязычные и германоязычные ареалы. – Л., 1983в.
28. Домашнев А.И. Этносоциологические характеристики Швейцарии // Лингвоэтнография. – Л.: Наука, 1983б.
29. Домашнев А.И. Языковая ситуация в Швейцарии // Язык и диалекты Швейцарии. – Л.: Наука, 1990.
30. Домашнев А.И., Помазан Н.Г. Социально-функциональная структура немецкого языка Швейцарии // Варианты полинациональных языков. – Киев: Наукова думка, 1981.
31. Жирмунский В.М. Национальный язык и его диалекты. – Л., 1936.
32. Дудник Л. М. Французский элемент в лексико-семантической системе канадского варианта английского языка. - Автореф. дисс....канд.филол.наук. - Киев, 1982.
33. Дьячков М. В. Креольские языки. М., 1987.
34. Жирмунский В.М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкоznания. М., 1954, №4, с. 23.
35. Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии. – В кн.: Язык и литература. Л., 1929, вып. III.
36. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
37. Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. - Калинин, 1979.

38. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: Сборник статей. – Москва, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
39. Катающина Н. А. Процессы формирования французского письменно-литературного языка // Вопросы языкознания. М., 1956, т. V, №2.
40. Клоков В. Т. Французский язык в Африке. Саратов, 2000.
41. Коcериу Э. Синхрония, диахрония и история. Перев. с исп. – В кн.: Новое в лингвистике, вып. III, М., 1963.
42. Кубрякова Е. С. Язык и культура: факты и ценности. - М., 2001.
43. Кузнецов С. Н. Направления современной интерлингвистики. - М., 1984.
44. Кузнецов С. Н. Основы интерлингвистики: учебное пособие. - М., 1982.
45. Кузнецов С. Н. Теоретические основы интерлингвистики. - М., 1987.
46. Кузьмич Н.Г. Романо-германская контактная зона Швейцарии // Взаимодействие лингвистических ареалов. – Л.: Наука, 1980.
47. Кулинич О.И, Иванова Е.П. Как говорят по-французски в Швейцарии? // Studio. № 1 – СПб: СпбГУ, 2001.
48. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
49. Марусенко М. А. Франкофония Северной Америки. Том 1. - СПб.: Изд-во С.-П. ун-та, 2007.
50. Мейсон Э. Эти странные бельгийцы. – М., 2004.

51. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманит. ВУЗов и учащихся лицеев. М., 2000.
52. Нарумов Б. П. Соотношение языков и диалектов в романских странах с социолингвистической точки зрения // Функциональный и методический аспекты изучения иностранных языков. М., 1993.
53. Оликова М. А. Обращение в современном английском языке (опыт структурно-семантического и социолингвистического анализа): КД. – Киев, 1973.
54. Орлов Г. А. Современная английская разговорная речь. – М., 1991.
55. Пономаренко Л. В, Лаврова Е. В. Франкофония: исторический опыт и тенденции современного развития - М., 2007.
56. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л., 1972.
57. Седельник В.Д. Споры о своеобразии швейцарской литературы // Литература Швейцарии. – М., 1969.
58. Семчинский С. В. Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточно-романских языковых контактов). - Киев, 1973.
59. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 2002.
60. Сидоренко Т. К. Ономасиологические и структурные характеристики американских просторечных лексических синонимов (на материале качественной оценки имен лица). - Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Пятигорск, 1986.
61. Сироткин В. Г. Бельгия – страна на европейском перекрестке. - М., Изд-во «Знание», 1981, № 9.

62. Соколова Г.Г. Фразеологическая полисемия в метропольном и региональных вариантах //Научные труды МПГУ. Филологические науки. – М.: Прометей, 2007.
63. Соколова Г.Г. Французский язык в Швейцарии // Человек и его язык, – Петрозаводск, 1991.
64. Соколова Г.Г. Языковая политика в современной Швейцарии //Язык. Культура. Образование. – Ярославль: ЯрГПУ, 2005.
65. Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии. - Казань, 1982.
66. Спецкурсы по романской филологии. Сб. научных трудов под ред. В. Т. Клокова. – Саратов, 1998.
67. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. – М., Едиториал УРСС, 2004. – 328с.
68. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. - М., 1976.
69. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М., 1965.
70. Стернин И. А. Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 3. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2002.
71. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2001.
72. Столбунова В. И. Вопросы межъязыковых контактов. - Черновцы, 1973.
73. Тронский И. М. Очерки по истории латинского языка. М. –Л., 1953.
74. Фирсова Н. М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке: Учебное пособие.- М., Изд-во РУДН, 2000.

75. Широкова А. В. От латыни к романским языкам: Учеб. пособие по истории романских языков. М., 1995.
76. Этнолингвистика евразийского континуума: теория и практика: учебное пособие.- М.: РУДН, 2009.
77. Borodina M. A. Sur la notion de dialecte (d'après les données des dialectes français). Paris, 1961, t.10, №2.
78. Boulanger, J.-C. Dictionnaire québécois d'aujourd'hui: langue française, histoire, géographie, culture générale. – Monreal, Dicorobert, 1992.
79. Brown, Penelope and Stephen Levinson. Universals in language usage: politeness phenomena // Questions and Politeness: strategies in social interaction. – New York: Cambridge University Press, 1978.
80. Bybee J. L. The diacronic dimension in explanation // Explaining language universals. Oxford, 1988, p. 350-379.
81. Croft W. Mixed languages and acts of identity: an evolutionary approach, 2001.
82. Deniau Xavier La Francophonie. Que sais-je? – Paris, 1998.
83. Dumont P., Maurer B. Sociolinguistique du français en Afrique francophone : gestion d'un héritage, devenir une science. Vanves, 1995.
84. Feller J. Règles d'orthographe wallone. Liège, 1905, 2 ed.
85. Gauchat L. Langue et patois de la Suisse Romande. – Neuchâtel, 1907.
86. Gauchat L. Nos patois romands // Bulletin du Glossaire des patois de la Suisse Romande. – Neuchâtel, 1904.
87. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 24. Auflage/ bearbeitet von Elmar Seibold. – Berlin: Walter de Gruyter, 2002.

88. Knecht P. La Suisse romande // La Suisse aux quatre langues. – Genève: Zoé, 1985.
89. Knecht P. La Suisse romande: aspects d'un paysage francophone conservateur // Le français dans l'espace francophone. T. 2. – P., 1996.
90. Lergnet, J. Les helvétismes de Suisse Romande au XIXème siècle d'après le journal intime d'Henri-Fr. Amiel (Matériaux pour l'étude des régionalismes du français, vol. 12). – Paris: CNRS et Klincksieck, 1998.
91. Manhès Y. Histoire des Belges et de la Belgique. – Paris, 2005.
92. Martin W. Histoire de la Suisse. – Lausanne, 1959.
93. Moulton W. G. Structural dialectology // Language, 1968, v. 44, № 3.
94. Pöll B. Le français régional en Suisse romande. A propos des conceptualisations profanes et scientifiques du fait régional // Le français dans le domaine francoprovençal. Une réalité plurinationale. – Berne, 2002.
95. Tuailon G. Régionalismes de France // Revue de Linguistique Romane. – 1978, t.42, № 165-166.

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Совет. писатель, 1966.
2. Большая российская энциклопедия, т. 3. – М., 2005.
3. Гак В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык-Медиа, 2005.

4. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык-Медиа, 2004.
5. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. – М., 1957.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2000.
7. Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. Редактор В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
8. Советская историческая энциклопедия // ред. Жуков Е.М., Болтин В.П., Волина Е.А., и др. – М.: Советская Энциклопедия, 1961-1976, т.16.
9. Франция. Лингвострановедческий словарь // под ред. Л.Г. Ведениной. – М., 1997.
10. Щерба Л.В., Матусевич М.И., Воронцова Т.П. Большой русско-французский словарь. – М.: Русский язык-Медиа, 2004.
11. Auge, C. (dir.) Nouveau Larousse illustré, Dictionnaire universel encyclopédique. – Paris: Librairie Larousse, 1897-1904.
12. Auge, P. (dir.) Larousse du XX siècle en six volumes. – Paris: Librairie Larousse, 1928-1933.
13. Boisgontier, J. Dictionnaire du français régional des Pays Aquitains. – Paris: Bonneton, 1992.
14. Boulanger, J.-C. Dictionnaire québécois d'aujourd'hui: langue française, histoire, géographie, culture générale. – Montreal, Dicorobert, 1992.
15. Camps, C. Dictionnaire du français régional du Languedoc, Aude-Gard-Herault-Lozere. – Paris: Ed. Bonneton, 1991.
16. Colpron, G. Dictionnaire des anglicismes. – Montreal, Beauchemin, 1982.
17. Depecker L. Les mots de la francophonie. – Paris, 1988.

18. Deutsches Universal Wörterbuch, 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage/ Auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreiberegeln / Bearbeitet von Günter Drosdowski und der Dudenredaktion. – Mannheim-Wien-Zürich: Dudenverlag, 1996.
19. Dictionnaire d'ancien français. Moyen age et renaissance. – Paris:Larousse, 1947.
20. Dictionnaire féminin-masculin des professions, des titres et des fonctions. – Genève: Metropolis, 1996.
21. Dictionnaire universel francophone. – Paris:Hachette, 1997.
22. Duraffourg, P. Glossaire du parler Haut-Jurassien. – Saint-Claude, Ed. des Amis du vieux Saint-Claude, 1986.
23. Encyclopédie illustrée du Pays de Vaud. Gallant, B. (dir). – Lausanne: Ed. Cabetia, 13 volumes, 1987-1995.
24. Gauchat L., Jeanjaquet J., Tappolet E.; Muret E. Glossaire des patois de la Suisse Romande (GPSR). – Neuchâtel: Attinger (en cours de publication depuis 1924).
25. Grand dictionnaire encyclopédique Larousse. – Paris: Larousse, 1984.
26. Grand dictionnaire universel du XIX siècle, Larousse (dir.). – Paris: Administration du grand dictionnaire universel, 1866-1867. 15 volumes.
27. Hadaček C. Le suisse romand tel qu'on le parle, lexique romand-français. – Lausanne: Editions Pierre-Marcel Favre, 1983.
28. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 24. Auflage/ bearbeitet von Elmar Seibold. – Berlin: Walter de Gruyter, 2002.
29. Pidoux E. Le langage des romands. – Lausanne: Chapitre, 1983.

30. Pierrehumbert, W. Dictionnaire historique du parler neuchâtelois et suisse romand. – Neuchâtel: Attinger, 1926.
31. Rey, A. (dir.) Le Grand Robert de la langue française, 2ème édition. – Paris: Dictionnaires le Robert, 2001.
32. Rey-Debove, J., Rey, A. Le nouveau Petit Robert, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: Le Robert, 1993.
33. Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Les mots et les associations d'idées. – Paris, Société du Nouveau Littré, Le robert, 1961.
34. Robert P. Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris, Société du Nouveau Littré, Le robert, 2000.
35. Robert, P., Rey, A. Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: le Robert, 1985.
36. Thibault A., Knecht P. Dictionnaire Suisse Romand: particularités lexicales du français contemporain (DSR). – Genève: Zoe, 2004.
37. Trésor de la langue française (TLF). Dictionnaire de la langue du XIX et du XX siècle (1789-1960), Paris, éditions du CNRS, 1971-1994.

Иллюстративные источники

1. Chappaz M. Chant de la grande CCGD dixence. – Babel, édition de l'Aire, 1995;

2. Chappaz M. Le valais au CVDG dossier de grive. – Arles, Babel: édition de l'Aire, 1995;
3. Chessex J. Carabas. – Paris: CC Grasset, 1971;
4. Chessex J. Les yeux jaunes. – CYJ Paris: Grasset, 1971;
5. Chessex J. L'Ogre. – Paris: CO Grasset, 1973;
6. Chessex J. Portrait des Vaudois. CPV – Lausanne: Aire, 1982;
7. Cohen A. La belle du seigneur. CBS – Paris: Gallimard, 1990;
8. Colomb C. Chateaux en CCE enfance. – Lausanne: Age d'homme, 1983;
9. Z'Graggen Y. La nuit n'est ZNJC jamais complète. – Vevey: Aire, 2001.

Научное издание

**Эбзеева Юлия Николаевна
Дмитриева Елена Григорьевна**

**ФРАНКОФОНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ШВЕЙЦАРСКОЙ И БЕЛЬГИЙСКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ**

Монография

Издание подготовлено в авторской редакции

Подписано в печать 06.12.2011 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ 1493

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41